ВАЛЕНТИН

ПИКУЛЬ

НА ЗАДВОРКАХ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ

Валентин Пикуль

На задворках Великой империи. Том 1. Книга первая. Плевелы

«ВЕЧЕ»

1962

Пикуль В. С.

На задворках Великой империи. Том 1. Книга первая. Плевелы / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1962

ISBN 978-5-4444-8876-8

«На задворках Великой империи» – один из ранних романов В.С. Пикуля. Это панорамное повествование о жизни провинциального российского города в вымышленной, но вполне узнаваемой Уренской губернии в начале XX века. Произведение написано в духе сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина, одного из любимых авторов Валентина Саввича. Замысел романа и образ главного героя – князя Сергея Яковлевича Мышецкого – возник у писателя в результате длительного и внимательного изучения архивных документов Государственной думы.

ISBN 978-5-4444-8876-8

© Пикуль В. С., 1962
© ВЕЧЕ, 1962

Содержание

Вместо пролога 6
Книга первая. Плевелы 14
Глава первая 14
Глава вторая 28
Глава третья 43
Глава четвертая 64
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Валентин Пикуль
На задворках великой империи
Том 1. Книга первая. Плевелы

© Пикуль В. С., наследники, 2011
© Пикуль А. И., составление и комментарии, 2011
© ООО «Издательство «Вече», 2011
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Вместо пролога

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет.
. . . . . .
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит.

Евг. Баратынский

В самом начале двадцатого века на пасмурном горизонте бюрократического Санкт-Петербурга нечаянно взошла новая звезда – молодой блестящий правовед, князь Сергей Яковлевич Мышецкий.

Едва выпущенный из училища правоведения, он сразу же обратил на себя внимание чиновных кругов столицы: в цепи русской бюрократии прибавилось еще одно добротно отлитое звено.

Поначалу даровитого правоведа хапужисто прибрал к своим рукам мрачный временщик В. К. Плеве, и Мышецкий принимал участие в работах его комиссии по уставу о гербовом сборе. К юбилею министерства финансов Сергей Яковлевич, вместе с В. А. Дмитриевым-Мамоновым (внуком известного карикатуриста-искровца), занимался составлением «Указателя действующих в империи акционерных предприятий».

Это был здоровый и рослый мужчина, к осанистой фигуре которого очень шел покрой вицмундира. На бледном лице его, всегда гладко выбритом, выделялся крупный породистый нос, а пенсне, поверх утомленных чтением глаз, придавало князю вид озабоченного размышлениями человека.

Внешне Сергей Яковлевич был размерен в своих поступках и постоянно спокоен. Однако он не оставался далек от тщеславия. Никто бы не догадался, что Мышецкий носит при себе сильную дозу цианистого калия, чтобы отравиться в том случае, если карьера его споткнется на одном из служебных поворотов.

И частенько, оторвавшись от бумаг, князь Мышецкий с удовольствием вспоминал годы учения, рассеянно повторяя известные лицейские стихи:

Шесть лет промчались как мечтанье
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: «Шествуйте, сыны!..»

К этому времени он уже имел чин надворного советника, медаль 1897 года за участие в переписи населения, знаки ордена Станислава третьей, а Владимира – второй степени и Бухарскую звезду, полученную неизвестно за что. Просто на одном из раутов в салоне графини М. А. Клейнмихель бухарский принц Мир-Сеид-Абдулд-Ахад ткнул в Мышецкого пальцем и спросил: «Кто этот – бледный и долгоносый?» Не вдаваясь в подробности, ему объяснили, что этот господин пишет недурные стихи. Тогда эмир порылся в карманах неряшливого халата, извлек оттуда звезду, выковырял из нее пальцем крошки засохшей халвы и велел отдать орден Сергею Яковлевичу. «Поэты, как и лишенные разума, – люди святой жизни!» – так пояснил эмир свое благоволение…

Правда, Мышецкий пописывал декадентские стишки. Это было время поисков и смятения духа; русская интеллигенция выискивала новые формы, впадая при этом в бессмыслицу, и жадно обостряла свои чувства, скатываясь в низкие пороки.

Мышецкий же еще смолоду замкнулся в раковине статистики и поэзии, внеся в первую из них немало творческой фантазии и, наоборот, суховатую педантичность – во вторую.

Карьере Мышецкого несколько вредило то, что император Николай II, выставлявший напоказ свои семейные добродетели, недолюбливал выпускников училища правоведения и в узком кругу приближенных называл их не иначе как «педерастами».

И отчасти он был прав: аристократы-юристы того времени имели даже своего поэта, в звучных эклогах воспевавшего мерзостные прелести кинедов и урингов. Великосветские семьи создавали иногда сногсшибательные треугольники.

– Вот образцовая пара: барыня живет с кучером, а кучер живет с барином!

Мышецкий, с брезгливостью чистоплотного человека, явно сторонился многих однокашников, зачастую склонных только к наживе, блуду и пустопорожнему витийству. Но, однако, он продолжал посещать их сборища, отчего Плеве однажды предостерег его:

«Князь, в ваших же интересах выйти из плеяды негодяев, взращенных под эгидою Владимира Мещерского и его «Гражданина»… Зачем вы бываете у вульгарного Шотана?»

«Я… наблюдаю, – тихо пояснил Мышецкий. – Мне весьма занятно следить за агонией класса, к которому я принадлежу! Не тревожьтесь, Вячеслав Константинович, они могут поганить себя как угодно, но я останусь неразвратим!..»

Очевидно, именно порочность этого мира и отвратила князя Мышецкого от выгодной службы при весах Фемиды: резко порвав связи с юриспруденцией, Сергей Яковлевич целиком обосновался в области модной тогда статистики.

В те дни его внимание привлекло страшное завышение налога на чай, и в одной из своих статей, написанной для провинциального выпуска «Биржевых ведомостей», князь Мышецкий высказал следующее:

«Чай и сахар из предметов народной роскоши постепенно превращены русской бедностью в элементы национального питания. Однако нигде в мире чаевой налог не достигает таких размеров, как у нас в России, и это, господа, в стране, где чай не только любимый напиток, но и суррогат ежедневного питания! Ужасно дорого обходятся мужику и самовары из простой красной меди…»

Вскоре после этого к дверям дома Мышецкого кто-то подкинул грязный листок с такой эпиграммой:

В статистический разгар
Свист ворвался молодецкий —
Выпущает задом пар
Самоварный князь Мышецкий!

Было обидно и неприятно, но вскоре «самоварный князь» был утешен. Стоило ему протанцевать на придворной карусели с великой княгиней Ксенией, как к нему подошел барон Фредерике и поздравил его с чином камер-юнкера…

На обеде в яхт-клубе Мышецкий случайно познакомился с П. А. Столыпиным (вскоре назначенным гродненским губернатором). Густая с ранней проседью борода, жгучие цыганские глаза, розовые оспины на изможденном лице – все это произвело на молодого чиновника сильное впечатление. Особенно же – речи Столыпина.

– Мне говорят: великие события! – выкрикивал он, сводя в кулачок хрупкие пальцы. – А я говорю: нет, мне не нужны великие события, а – великая Россия! Жиды, сволочи, проститутки… Что вы знаете о величии страны? Хлеб – вот сущность русской нации! Дайте нам

хле́ба, горы хлеба, и Россия вот таким толстенным караваем сядет на всю Европу… А что нужно для этого? Крепкое фермерское хозяйство, и только! Здоровый богатый мужик, окруженный семьей и забором, – вот мой идеал…

Столыпин свел его с министром внутренних дел Д. С. Сипягиным, и в разговоре Мышецкий выяснил, что – через семейство Норовых – они состоят с министром в дальнем родстве.

Сипягин поразил Сергея Яковлевича откровенностью своих признаний.

– Император явно неумен, – заявил он с горечью. – И неумен и коварен! Однако же мы, древнее российское дворянство, должны сплотиться вокруг него, чтобы противостоять тому хаосу, который учиняется сейчас в России!

Министр был весьма любезен и дал дружеский совет:

– Вы еще молоды, князь, и вам следует испытать свои силы в провинции. Я как раз подыскиваю вице-губернатора для Вятской губернии… Вас не испугает эта глушь?

– Нет, что вы, – растерянно отозвался Мышецкий. – Отчего же и не послужить в провинции…

– Меня, – продолжал Сипягин, – очень трудно застать на месте, однако… Условимся так: завтра подъезжайте в Государственный совет. Я буду как раз присутствовать на заседании департамента экономии…

В назначенный час Мышецкий подкатил к Мариинскому дворцу. В громадном вестибюле было прохладно и пустынно; потрескивали камины. Возле колонн прохаживался одинокий офицер в новенькой фризовой шинели, помахивая четко квадратным пакетом. Мышецкому почему-то запомнились его по-мужицки крупные руки и неправильный разрез выпуклых глаз.

Курьер распахнул двери, и Сипягин, на ходу сбрасывая пальто, быстро вошел в вестибюль. Он сразу заметил Мышецкого – дружески кивнул ему издалека. Но офицер шагнул навстречу министру, протягивая пакет.

– Из Москвы, – деловито сообщил он. – От его высочества великого князя Се́ргия Александровича…

Сипягин торопливо рванул пакет, и офицер вдруг начал всаживать в министра пулю за пулей. Маленький браунинг в его большой руке казался крохотной игрушкой.

В гулком вестибюле внезапный грохот был страшен.

Сипягин волчком кружился под выстрелами, тяжело приседая к земле. Дико орал курьер, сдуру угодивший под шалую пулю.

Мышецкий, заскочив за колонну, кричал испуганно:

– Это же – министр! Прекратите… что вы делаете?

Сбежались люди (поначалу – из нижних этажей – мелкая сошка). Из верхнего зала Комитета министров, потрясенные, спускались по лестнице сановные старцы.

Опираясь на палку, дряхлый вояка П. С. Ванновский сразу же подковылял к убийце.

– Вы, сударь, не офицер, – заявил он ему. – Так офицеры не одеваются… Дайте сюда оружие!

Под истекающего кровью министра пихали подушки. Послали за женой и за лазаретной каретой. Тот же Ванновский грубо окликнул Мышецкого, не вылезавшего из-за колонны:

– Молодой человек, что же вы стоите? Помогайте…

До Максимилиановской лечебницы было две минуты езды. Мышецкий – в своем ярком камер-юнкерском мундире – простоял этот путь на подножке кареты.

Сипягин сказал ему на прощание:

– Такова судьба, князь. Не сожалейте обо мне – я не последний римлянин в России! И верьте, что я никому не сделал зла намеренно…

Убийство министра настолько потрясло князя Мышецкого что он тут же, на Вознесенском проспекте, выбросил яд из кармана. Оставив на время честолюбивые мечты, он вскоре надолго укатил за границу…

Зиму проводил в Биаррице – в обществе русских шалопаев и мотов, где однажды познакомился с интересным человеком доктором В. Б. Бертенсоном.

В один из пасмурных дней, поджидая доктора в скромном ресторанчике «Резерв» в Болье, что на полпути между Ниццей и Монте-Карло, Сергей Яковлевич был привлечен видом… пальца, манившего его из-за двери.

Палец был украшен блестким бриллиантом и явно подзывал к себе Мышецкого, который сразу же возмутился (не лакей же он, чтобы откликаться на палец). Но тут в двери просунулась и голова – великого князя Алексея Александровича, родного дяди императора Николая II.

Генерал-адмирал русского флота обидчиво произнес:

– Князь, я вас зову, зову… Что же вы?

– Простите, ваше высочество. Но я никак не предполагал, что встречу вас именно здесь, в Болье!

Мышецкий, оторопев, проследовал на кухню, где великий князь самолично готовил для себя марсельский «буй-аббес» с шафраном. Угостив камер-юнкера кошмарным варевом, Алексей Александрович доверительно признался:

– Вы, душа-князь, должны помочь мне. Я сильно поиздержался в этом сезоне, просить из России мне уже стыдно! А мною, как на грех, увлеклась Ивонна Бурже, и – согласитесь – я не имею права отказать ей в незначительных презентах!

Сергей Яковлевич не знал, что и ответить.

– Ваше высочество, но мои доходы…

– Да знаю, знаю! – отмахнулся генерал-адмирал. – Так не у вас же я собираюсь просить. Вон тут уже с весны кутят прокеросиненные армяшки Лианозов с Манташевым, – да просить-то у них, душа-князь, подло! Но вы же ведь Рюрикович, я слышал, знаток статистики?

– Отчасти – да, ваше высочество, – согласился Мышецкий.

Все «восемь пудов августейшего мяса» (как звали генерал-адмирала в России) заколыхались от оживления.

– Ну вот, – обрадовался флотоводец. – Так о чем же речь? Большего и не нужно… Давайте же совместными усилиями обчистим казино в Монте-Карло.

– Мы… каким образом? – поразился Мышецкий.

– С божьей помощью посредством статистики, – деловито пояснил Алексей Александрович. – Ну, не грабить же их в масках с пистолетами за пазухой… В газетах и так черт знает что обо мне пишут. А в баккара важен математический расчет, и только! Система, милейший князь!

– Но я ведь лишь статистик, ваше высочество. Пожалуй, тут и сам Араго вряд ли справится…

– Чепуха – возразил генерал-адмирал. – Я знаю одно: вы не смеете отказать мне в этом!

Действительно, как откажешь дяде царя? Сергей Яковлевич две недели подряд не вылезал из казино. Проигрывал по мелочи, примериваясь и соображая. Вскоре ему стало казаться, что система и в самом деле существует.

Престарелый генерал А. К. Имеретинский, набивший себе руку на игре в рулетку, поддержал в нем эту уверенность.

– Секрета своей методы я вам не выдам, – сказал он жадно, – но к старости я убедился – система безусловно есть!..

В один из дней заговорщики прибыли в казино.

– За последний стол, – шепнул Сергей Яковлевич. – Один на тридцать пять… Должно получиться!

– Нет уж, душа-князь, – скромно уступил Алексей Александрович. – Для начала поставьте вы, а я посмотрю, что́ получится…

Номер «тридцать пять» так и звенел в левом ухе. С первым же ударом шарик покатился и застрял в лузе. Голос крупье возвестил:

– Rien ne va plus: номер тридцать пять!

Мышецкий загреб выигрыш и поставил снова. Прямо в затылок ему горячо дышал генерал-адмирал российского флота.

– На тот же номер, – сказал Сергей Яковлевич.

И снова лопатка крупье придвинула к нему горку золота.

– На тот же… до трех раз!

И золото с тяжелым звоном снова потекло к нему. Мышецкому становилось уже неудобно грабить казино в одиночку, без помощи августейшего компаньона.

– Я не ошибся… Не угодно ли и вам, ваше высочество?

– А куда? – сразу побледнел Алексей Александрович.

– Тридцать пять минус семь равно двадцати восьми, – подсчитал Мышецкий. – Ставьте, и успех вам обеспечен…

Возбужденный громадным выигрышем, он отошел в сторону, и ровно через минуту великого князя обчистили так, что Сергей Яковлевич зашатался от страха. Вытирая со лба пот, генерал-адмирал подошел к нему с выговором:

– Ну, князь! Этого-то я не ожидал от вас.

– Ваше высочество, но я ведь только статистик…

– Однако вам хватило для себя и одной лишь статистики. Не правда ли?

Мышецкий склонился в вежливом полупоклоне – один Рюрикович перед другим Рюриковичем:

– Ваше высочество, я потрясен не менее вас. Но… вы не совсем правильно меня поняли: выигрыш с тридцать пятого номера принадлежит нам поровну…

После этого случая оставаться в Биаррице показалось неудобным, и, нечаянно разбогатев, Мышецкий уехал догонять лето в Египет – на курортную станцию Геллуан, неподалеку от Каира, где находилась русская колония для слабогрудых аристократов.

Именно здесь он и повстречался с девицей, которой суждено было стать княгиней Мышецкой.

Это было бледное узкоплечее создание, едва-едва умевшее говорить по-русски. Девушка появлялась возле источника с неизменным томиком Клопштока, проложенным рукодельной закладкой. Оторвавшись от басен «Мессиады», она иногда тут же – под раскаленным тентом – вышивала очередную закладку с поучительным изречением.

За все время пребывания в Геллуане переменилось множество закладок, но книга оставалась одна и та же – старик Клопшток, бррр!..

Сергей Яковлевич был удивлен терпеливостью девицы и однажды недоверчиво хмыкнул.

– У меня есть неизданный Рембо, – сказал он. – Я могу предложить вам его на досуге.

– О нет! – покраснела девица. – Рембо поэт безнравственный, а мой Клопшток так тонко чувствует все движения верующей души…

Анемичный отпрыск захудалого дома баронов Гюне фон Гойнинген, двадцатилетняя Алиса Готлибовна получила чисто прусское воспитание. Ближайшие родичи ее служили в Германии кайзеру, хотя имели русское подданство. А те из них, которые находились в России, определяли свое положение с предельной ясностью: «Мы служим династии Романовых – Голстейн-Готторпских!..»

Предки жены занимались когда-то береговым пиратством, отчего и оперились титулочком, который пригодился им, когда Гюне вздумали осесть на лесных холмах онемеченной Прибалтики. При Павле I они получили земли и внутри России. Попав в страну «варваров», Гюне

решили цивилизовать русскую нацию посредством шампанского, нагнанного ими из… капустных кочерыжек. Хотя вино и пенилось, но мужики предпочитали родимую сивуху. Тогда было решено осчастливить Россию бульонным порошком собственного изобретения. Но и в этом благом начинании бароны не преуспели: мужики круглый год постились, а разговляться на Пасху мясным порошком не желали – чокались, как язычники, крашеными яйцами.

После серии подобных опытов в семействе жены остались лишь развалины за́мка в Курляндии да молочная ферма с пышным гербом над воротами. При той любви ко всему русскому, которую всегда ощущал в себе Сергей Яковлевич, только сильное увлечение могло толкнуть его на брак с подсыхающей в девичестве баронессой…

Венчание происходило в церкви русского посольства в Берлине, причем случилось несчастье – фата невесты вспыхнула от упавшей свечи. Перед священником поднялся прозрачный огненный столб. Фату сорвали и затоптали, все были испуганы, но Алиса Готлибовна совсем не пострадала, – пламя было легким и быстрым, почти скользящим.

– Продолжайте, – сказала она священнику, полная решимости стать Рюриковной. – Я совсем не суеверна…

К удивлению невесты, супруг ее признался в своей непорочности, за что Алиса – с немецкой благовоспитанностью – и отблагодарила его в письме, написанном после свадьбы. Молодые с полгода пробыли в Берлине, потом переехали в Лондон.

В один из дней на скетинг-ринге князь Мышецкий случайно встретился с принцем Валлийским, с которым когда-то катался на коньках по льду пруда в Таврическом парке. Принц круто развернулся на роликах и вдруг с издевкой сказал:

– А вы, наверное, еще не знаете, что сегодня ночью японские миноносцы подорвали на рейде Порт-Артура корабли вашей хваленой эскадры!..

Мышецкий кинулся в русское посольство, где его сразу же принял посол граф Бенкендорф; в ответ на горячо выраженные пожелания участвовать в великой битве посол веско заметил:

– Вы не успеете, князь! Первый успех японцев ничего не значит, и война будет скоротечна… Вы давно не были в России и не знаете всей подноготной. Просто нам нужна маленькая победа, чтобы отвратить нашествие революции!

– И только?.. – спросил Мышецкий, удивленный.

Пришли первые вести о монархических демонстрациях в России, потом Европа наполнилась черными слухами о слабости русского колосса. Было стыдно и мерзко; встречаясь с русскими, Сергей Яковлевич начал избегать их взглядов, словно они были соучастниками в каком-то ужасном преступлении. Изнанка этой печальной войны вдруг вывернулась перед Мышецким, обнажив чудовищные спекуляции, продажность придворной камарильи, тупое скудоумие недоучек-генералов.

Бесцельно проблуждав по закоулкам Европы, супруги Мышецкие задержались на самом пороге России – в Курляндии, где Алиса Готлибовна стала готовиться к появлению своего первенца.

Мышецкий мучительно переживал трагедию русского народа, бездарно брошенного под свисты японских «шимоз» на окраинах Тюренчэна и Цзиньчжоу.

Медленно он обретал равновесие, присматриваясь…

Мышецкого поразил вид крестьян в имении жены: забитые полупридурки, здоровенные скоты, созданные только для непосильного труда и удовлетворения низменных инстинктов. Очень много среди них было глухонемых. Выяснилось, что это – результат многолетнего «скрещивания», проведенного еще прадедом Алисы в целях получения особой породы людей-скотов, с узенькими лбами и сильными мышцами.

Сергею Яковлевичу было явно не по себе…

Особенно же его раздражало вынужденное родство с двумя кузенами жены – Генрихом и Паулем фон Гувениусами (на русский лад – Егор и Павел Ивановичи). Бесцветные близнецы, со склонностью к ранней полноте, эти два коллежских регистратора, черт бы их побрал, казались Мышецкому такой мелюзгой, что он старался о них даже не думать.

А как они ели! Боже мой, до чего эти твари обожали сметану, какие неопрятные имели рты… И Сергей Яковлевич отказался обедать за одним столом с близнецами. Впрочем, желая сразу же упрочить свое положение, он объяснил жене, что это продиктовано не только брезгливостью.

– Мне, – заявил он, – не совсем-то приятно, что в моем присутствии кузены позволяют себе дерзкие выпады по отношению ко всему русскому. Тем более, дорогая, что великая Россия переживает сейчас тяжелые дни…

– Хорошо, Serge, – покорно согласилась жена.

Отныне близнецов стали содержать на молочной ферме: там, в образцовом коровнике, они и обретались с тех пор – поближе к сметане. А налопавшись, выражали свою сытость тем, что гладили толстые задницы тупоголовых коровниц.

«Нет, так дальше нельзя, – не однажды размышлял Мышецкий в минуты одиночества. – Алиса славная женщина, и меня она любит, но… Нет, с этим пора кончать!»

Случай помог решить всё.

Бертенсон телеграммой сообщил, что он проследует в Россию через станцию неподалеку от имения Гюне фон Гойнингенов, поезд простоит десять минут, и предлагал накоротке повидаться. Однако же поезд пролетел без остановки, не сбавляя скорости.

Мышецкий был оглушен свистом пара и грохотом курьерских вагонов. А мимо него отстукивали желтые щели окон, в которых часто мельтешили тени людей – жрущих и пьющих, играющих и болтающих…

Потом вдруг сразу настала тишина, только мягко опадал снег да вдали еще долго вздрагивали огни последнего вагона.

Сергей Яковлевич, вздыхая, купил на станции газету. Бои под Бидзаво… волнения запасных… Кшесинская весит два пуда и шесть фунтов… ревизия сенатора Мясоедова… повешены, повешены, расстреляны, расстреляны…

Он сунул газету в карман. «Нет, так дальше нельзя». Вернулся домой и впервые солгал жене.

– Я видел Бертенсона, – сказал он, – и многих других… Кажется, мое пребывание в Петербурге становится необходимым. Пора подумать и о дальнейшей службе!

Сергей Яковлевич выехал в Петербург, где сразу же был причислен к министерству внутренних дел. В департаментах шла мышиная возня: после сенаторских ревизий началось перемещение в губернской администрации. На глухих окраинах Российской империи освобождались прибыльные синекуры!.. В благоуханном нужнике министерства Плеве произошла нечаянная встреча Мышецкого с одним из виновников этой позорной войны – Безобразовым (тоже камер-юнкером).

– Князь! – воскликнул Безобразов, защелкивая подтяжки. – Вы только что из-за границы, милый князь… Не видели ли вы там моей глупой жены?

– Видел, – резко ответил Мышецкий. – Только она совсем не глупая, если сбежала от вас за границу…

Безобразов подобного стерпеть не мог.

– Вы, конечно, знаете, что я облечен доверием его императорского величества? – спросил он.

– Я тоже… облечен, – ответил Мышецкий и с силой захлопнул за собой дверцу кабинки…

Вскоре последовало странное самоубийство вице-губернатора в отдаленной Уренской губернии – на место покойного стали прочить князя Мышецкого. В эти же дни из Курляндии оповестили, что у него появился наследник, который (за неимением православного священника) окрещен в лютеранскую веру и наречен Адольфом-Бурхардом… Сергеевичем!

Гневу Мышецкого не было предела, но события по службе отвлекли его от семейных треволнений: назначение на пост вице-губернатора состоялось.

В приемной у Плеве ему случайно встретился Столыпин – еще более пожелтевший, еще более яростный.

– Меня из Гродно перевели в Саратов, – неохотно пояснил он. – Там я не мог поладить с жидами… А куда вас, князь, денут?

Мышецкий скромно назвал Уренскую губернию. Столыпин стрельнул в него жгучими глазками.

– О, непочатый край! – заметил он. – Там очень богатые залежи земель. Попробуйте выжать из них самое насущное сейчас – хлеб!

Да, было над чем задуматься…

Но всесильный Плеве начал разговор с другого конца.

– Судьбы империй неотвратимы, – хрипло сказал он. – Нас ждут потрясения революций и разливы крови… Князь!

Мышецкий невольно вздрогнул. Перед ним сидел похожий на лютеранского пастора человек в черном камгаровом сюртуке, с широко повязанным галстуком на шее. Но лица Плеве уже не имел – на молодого чиновника смотрела маска смерти.

15 июля министр будет разорван бомбой на Обводном канале, но Сергей Яковлевич узнает об этом из газет.

Книга первая. Плевелы

Пошлость имеет громадную силу: она всегда застает свежего человека врасплох, и в то время, когда он удивляется и осматривается, она быстро опутывает его и забирает в свои тиски.
М. Е. Салтыков-Щедрин

Глава первая

1

Сергей Яковлевич так и не понял, отчего он проснулся.

Но сразу же с брезгливостью ощутил, что раздевали его вчера и укладывали в постель чужие лакейские руки. И кажется, что вчера он впервые в жизни был сильно пьян…

– Занятно, – произнес Мышецкий, на ощупь отыскивая в потемках привычное пенсне. – Весьма занятно!

Он лежал на диване (продавленном, еще дедовском) в своем кабинете, и позолота книг отражала сияние тусклого петербургского рассвета. С улицы слышались посвисты санных полозьев, скребущих по голым булыжникам, дробно пересыпалась где-то вдали кавалерийская рысь от манежа.

Сергей Яковлевич нечаянно вспомнил, как вчера качали его на выходе от Кюба, как терял он при этом галоши, и ему вдруг сделалось нестерпимо стыдно.

«Какое счастье, – вяло решил он, – что Алиса приедет лишь завтра… А зачем я поехал в Стрельну к цыганам? И что я там говорил? Что-то о Безобразове, кого-то бранил… Боже, – отчаялся Мышецкий, – ведь я, кажется, даже пел! Впрочем, теперь все равно. Без працы не бенды кололацы», – утешил он себя тарабарщиной, памятной еще со слов бабушки, поклонницы юродивого Корейши, и включил лампу под запыленным абажуром.

В потемках кабинета слабо высветились лаковые бока стареньких клавикордов и перевитые вервием худосочные локти Христа (копия с Антокольского). Нащупав возле себя колокольчик, Мышецкий трухнул в него, потом – в ожидании слуги – раскурил тонкую «Пажескую» папиросу. Лакей внес в кабинет запахи кофе и свежего белья.

– Друг мой, – спросил его Сергей Яковлевич, – это ты меня раздевал вчера?

– Ваше сиятельство недовольны?

– Нет, спасибо. Будешь чистить мою пару, так не погнушайся забрать из карманов мелкие.

– Покорнейше благодарю, ваше сиятельство!

Мышецкий накинул халат, перебрал на подносе почту. Небрежно рванул первый же попавшийся конверт. Незнакомая рука писала:

«Веселясь вместе с Вами по случаю высокого назначения, припадаю к благородным стопам и слезно прошу от щедрот ваших выслать на мою бедность и ничтожество сапоги на московском ранте с высоким подъемом, за что все мое семейство будет благодарить Вас вечно. В извинение настоятельной просьбы сообщаю, что размер сапог ношу сорок пятый.

Священник *Гундосов*».

– Что за свинская просьба! – фыркнул князь Мышецкий и наугад вскрыл следующее письмо:

«Превосходительный князь! С удовольствием узнал из «Правительственного вестника», что Вы соизволили принять пост вице-губернатора в Уренской губернии. Рад за Россию, которая нуждается в энергичных и образованных силах. Мой племянник служит как раз в Уренской губернии, и он будет счастлив, если такое лицо, как Вы, князь, обратите на него…»

Мышецкий, не дочитав, разодрал письмо наискось, бросил в корзину клочки:

– Боже, как глупы еще люди! Только из календаря и узнаю, что живем в двадцатом веке. Ну, что еще?

Лакей кашлянул и объяснил, что пристав Невской части уже с утра терпеливо дожидается внизу пробуждения князя.

– Что ему? – Мышецкий отхлебнул кофе, поморщился: – Ну, ладно. Проси…

Скинув на пороге мерлушковую шапку, вошел пристав – дяденька крупный, сытый и ласковый. Поклонился учтиво:

– С приездом вас… Каково, князь, в Европах-то?

– Давайте, – ответил Мышецкий. – Что там у вас ко мне?

Новенький портфель, скрипя грубой кожей, с трудом растворился, и пристав по самые локти надолго застрял в его глубинах. Шарил там, шарил…

– Ага, вот оно! К сожалению, князь, – выговорил он с прискорбием, – я вынужден исполнить неприятное поручение.

– Не огорчайтесь, – улыбнулся Сергей Яковлевич. – Надо же мне почувствовать себя и дома!

Пристав протянул ему лист бумаги:

– Придется вам, князь, быть сегодня на Гороховой, два. Желательно в полдень…

– Не могу-с! – быстренько ответил Мышецкий.

– Но о том просит вас лично помощник градоначальника его превосходительство Фриш!

– Владимир Эдуардович? – Положение осложнялось. – А что ему надобно?

– Извольте расписаться, князь.

Сергей Яковлевич целомудренно отвел глаза от бумаги:

– Я лишь недавно вернулся в любезное мне отечество и, надеюсь, еще не мог совершить ничего предосудительного?

– Извольте, князь, – настойчиво канючил пристав. – Извольте расписаться…

– Оставьте меня! – гневно выкрикнул Мышецкий. – Все-таки я не дворник, обязанный отзываться на свистки из полиции…

Раскурив папиросу, он бросил спичку на ковер:

– Что вы держите эту филькину грамотку? Спрячьте… С каких это пор чиновников министерства внутренних дел стали таскать по каталажкам?

Пристав нагнулся, чтобы поднять спичку, и звонко чихнул.

– Видать, от солнышка, – заметил он смущенно, растрясая громадный плат в кулаке…

Мышецкий сел и, выждав с минуту, спросил спокойнее:

– Зачем я понадобился Владимиру Эдуардовичу? Ведь ему же, наверное, известно, что сегодня я должен представляться его императорскому величеству по случаю отъезда.

Звонко щелкнули замки на портфеле. Пристав подтянулся:

– Ваше сиятельство, я здесь ни при чем, но… Время-то, сами посудите, какое!

– Так. Ну и что же?

– Вспомните: может, в банкетах принимали участие? Или знакомых кого не поостереглись?

– Глупости! Я встречался, за эти дни с людьми солидными, облеченными доверием власти. Образ мыслей этих уважаемых людей…

Он замолк. В памяти отчетливо возникла сумятица ресторана и он сам, что-то в открытую проповедующий. «Какая подлость!» – решил он, быстро покраснев.

– Нехорошо, – сказал Сергей Яковлевич приставу. – Так и передайте его превосходительству, что князь Мышецкий очень недоволен. Я вполне заслуживаю доверия власти, которая и подняла меня на высокий пост!

Кофе уже давно остыл, настроение было сильно испорчено, и Сергей Яковлевич неожиданно ожесточился:

– Я вас более не держу. Мне нужно быть в Петергофе…

Пристав откланялся, но Мышецкий еще долго не мог успокоиться. Вышагивал по кабинету, задевая мебель длинными ногами. Потом умылся, посвежел, ладонью промассажировал себе живот (легкая гимнастика по принципу профессора Лесгафта). Пора было приступать к обязанностям делового человека…

Сергей Яковлевич вышел из кабинета.

– Мой друг! – позвал он лакея. – Мне одеваться. Темляк на шпагу, тот – серебряный. Да мундир, что от Буланже привезли на прошлой неделе… Быстро!

Внимание его привлек шум в передней. Мышецкий перегнулся через перила и увидел, что лакей не пускает с крыльца какого-то странно одетого человека.

– Что там? – спросил он.

– Да вот, ваше сиятельство, – донеслось снизу, – бродяга тут… до вашей милости просится!

– Так пропусти же, – распорядился с высоты Мышецкий.

Вскоре послышался надсадный кашель, и в кабинет без робости вошел пожилой человек: редкая бородка, впалые щеки, печальные глаза больного. Медленно стащил он с головы крестьянский треух, из которого выпал карандашик.

– Спасибо, что вы за меня вступились, – просто сказал посетитель. – «Лакеи вообще люди не щедрые, но гаже всех из них усердные!»

Мышецкий усмехнулся: в этом человеке он сразу обнаружил какое-то подкупающее достоинство. Быстро нагнулся князь из кресла и поднял уроненный карандашик, опередив старика.

– Прошу, – сказал он. – Чем могу быть полезен?

– Я, как и вы, – начал незнакомец, – отчасти близок к делам российской статистики…

– Имеете труды?

– Да. – Незнакомец внятно перечислил названия.

– Простите, но я не знаю таких работ.

– И не можете знать, ибо они изданы в эмиграции…

Посетитель помолчал, словно проверяя, какое он произвел впечатление своим признанием. Но лицо столичного бюрократа было натренировано на спокойствии, и тогда незнакомец продолжил:

– Узнав, князь, о вашем назначении в отдаленную губернию, я решил воспользоваться случаем, чтобы предложить вам свои услуги… Как статистик, конечно!

В ответ холодно блеснули стекла пенсне.

– Так. Но… э-э-э, не знаю, как зовут вас.

– Кобзев, – назвал себя незнакомец, и князь Мышецкий почему-то сразу решил, что это не настоящая фамилия.

– Хорошо. Где же вы служили в последнее время, господин Кобзев?

За окном просветлело солнечно, Христос – в узлах и в рубище – смотрел из глубины, как живой человек, прислушиваясь.

– Я был на поселении в Иркутской губернии, – ответил Кобзев. – Там же и служил по вопросам статистики кочевых народов.

– Хм… А до ссылки?

– Дело в том, князь, что до Иркутска я был сослан в Шенкурск, где также очень интересовался цифрами.

– А именно?

Загибая тряские синеватые пальцы, Кобзев перечислил:

– Например, по выгонке дегтя, отхожим промыслам, санным извозам, дубильным веществам и прочее. Сергей Яковлевич был несколько растерян:

– Скажите, господин… э-э-э Кобзев, почему вы обратились именно ко мне?

Кобзева же подобный вопрос не смутил:

– Видите ли, князь, я давно слежу за вашими статьями…

– Ну и что? – обрадовался Мышецкий, как ребенок.

– Нет, – осадил его Кобзев. – Я не согласен с ними. Вопросы, требующие социального разрешения, вы пытаетесь разложить на отдельные экономические задачи. Вы не вспахиваете, а лишь бороните почву… Но дело не в этом!

– А в чем же тогда?

Кобзев посмотрел на свои разбитые валенки, под которыми расквасился от талого снега ворс ковра, и закончил уверенно:

– Мне понравился в ваших работах их общий тон – искренне-благожелательный к русскому народу. Вы желаете, князь, поступить хорошо, но не знаете, как это делается. Однако, независимо от этого, я заранее решил, что у вас доброе сердце и вы не оставите человека одинокого, никогда не имевшего своего угла…

Мышецкий был растроган:

– Конечно же! Я возьму вас в Уренск и найду посильную для вас должность. Хотя бы по казенной палате…

Кобзев замотал тощенький шарф, надвинул треух:

– Благодарю. Я, кажется, не ошибся в вас, князь!

Сергей Яковлевич посмотрел на его тряские пальцы:

– Извините, но вы… не пьете?

– Нет, князь. Просто я очень мерзну.

– Постойте! А где вы живете?

Кобзев замялся. Мышецкий подумал: «День еще только начинается, и хорошо бы отметить его начало добрым поступком».

– Кажется, я вас правильно понял, – сказал он Кобзеву.

– Понять не трудно, – ответил тот с улыбкой. – Тем более, что права на прожитие в столичных городах я не имею…

– Так вот, слушайте, – расщедрился Сергей Яковлевич. – На запасных путях Николаевской дороги, возле Чубарова переулка, для меня приготовлен вагон. Вагон министерства, со всеми удобствами. Я напишу записку, и вы перебирайтесь жить туда. Сегодня я отправлю на станцию книги, и вам, таким образом, скучно не будет…

2

Взлягивая копытами комья рыхлого снега, серебристый рысак вынес его с Миллионной на площадь перед притихшим дворцом. Ветер с Невы трепал орленые штандарты. Описав полукружие, возок нырнул под гулкую арку Главного штаба, и рысак шарахнулся «траверсом», с ходу вывернув на заснеженный, звенящий ко́нками Невский.

– Осторожнее, черт! – выругал его Мышецкий. – Невывали меня в сугробы…

Да, сегодня это опасно: в мундире, расшитом золотой канителью, в треуголке клинышком, со шпагой на боку – как бы он был смешон вылезающим из сугроба!

За дворцом Строгановых, ухнув на разгоне с моста, возок пролетел мимо громадных витрин, за изморозью которых нежились дары тропиков: груды ананасов и апельсинов, восковая сочность фиников, тяжелые грозди винограда над марципановыми тортами.

– Останови у думской башни, – велел Мышецкий.

Придерживая рукою шпагу, порскавшую под тяжелой шубой, Сергей Яковлевич торопливо поднялся на второй этаж Гостиного двора. Почти пробежал вдоль лавок, обостренно обоняя запахи жаровен и дамских духов, застывающие в морозном воздухе…

«Петербург!.. Петербург!..»

В небольшой комнатке, заваленной книжной рухлядью, сидели возле заветных дверей двое: маститый ученый в скромной купеческой чуйке и молоденький купчик в элегантном фраке.

– Господа, – обратился к ним Мышецкий, – очевидно, вы тоже к Осипу Мавровичу?

– Да-с, – поклонился купчик, с вожделением обозревая яркое оперение камер-юнкерского мундира.

Мышецкий щелкнул крышкой мозеровского полухронометра:

– Я чрезвычайно озабочен во времени, господа, – вскоре мне следует быть в Петергофе… Не соблаговолите ли вы пропустить меня впереди?

Его пропустили, не прекословя, и Сергей Яковлевич поднялся по узенькой лесенке в конторку издателя и книготорговца Вульфа.

– Вы узнаете меня, Осип Маврович?

Вульф разогнал перед собой табачный дым, по-негритянски толстые губы его раздвинулись в белозубой улыбке.

– Ну как же, как же, – заговорил приветливо. – Я вас помню еще вот таким… А ваш батюшка собирал все, что напечатано в мире о парфорсной охоте.

– Именно так, – взгрустнул Мышецкий. – Теперь навещаю вас я… по примеру папеньки!

– Уж не охота ли верхом с гончими?

– Нет, любезный Осип Маврович, нет. Папеньки давно не стало, а гончие распроданы. Мы ведь сильно обеднели за эти годы, даже породнились с купцами. Но я, если помните…

– Конечно, помню! – щеголял Вульф прекрасной памятью. – Обзоры губернских статистических комитетов – так ведь?

Они посмотрели один на другого, словно заговорщики. Вульф подмигнул выпуклым и влажным, как у лошади, глазом.

– Дайте-ка вас пощупать, – вытянул он толстые пальцы. – Ох, и суконце!.. Значит, уже и камер-юнкер? Я кое-что слышал. Только зачем же вы, молодо-зелено, забираетесь в эдакую глушь? Ай-я-яй! Или задолжали в Петербурге?

– Служить можно везде, – скромно ответил Мышецкий. – Да и жизнь в провинции дешевле. Квартира казенная. Дрова бесплатно. Переезд за счет министерства. Как-нибудь…

– Ну а я разве отговариваю? – Вульф придвинул к нему палисандровый ящик с сигарами, похвастал: – Вот именно эти, прошу… «Корона Британии», сорок два рубля полсотни. С ума можно сойти… Только для избранных!

Они молча раскурили сигары, и Вульф приступил к делу:

– Итак, чем я обязан?

– Осип Маврович, – начал Мышецкий с чувством, – я хотел бы служить отечеству от души, на совесть…

– А как же иначе? – возмутился Вульф.

– Со знанием дела, – подчеркнул Мышецкий, – без дряблого дилетантства!

– Милый князь, – воскликнул Вульф, – это как раз то, что требуется в наше проклятое время!

– А потому, – закончил Сергей Яковлевич, – помогите мне ознакомиться с Уренской губернией заранее. Дорога предстоит дальняя, времени для чтения достаточно… Куда же вы, Осип Маврович?

Но Вульфа уже не было: он исчез под столом, долго сопел там от напряжения и брякнул перед князем два огромных тома.

– Вот вам материалы о переселенцах, – сказал он, сияя. – Это, пожалуй, первое, с чем вам придется встретиться.

– Беру, – обрадовался Мышецкий. – Но война, кажется, затормозила переселение хлеборобов?

– Затормозила – сие верно, – согласился Вульф. – Но остановить тягу людей к хлебу не смогла. Захотят ли люди воевать дальше. – Вульф не знает, но то, что они будут кушать хлеб, это я знаю точно: будут, подлые!

– Там, кажется, можно встретить засоление почвы, – напомнил Мышецкий. – Нет ли чего? А заодно и по родовому праву среди кочевых народов? Найдется?

– Как не быть? У бедного Вульфа все есть… Дальше!

– Генерал Аннинский, Семен Романович…

– Мой старый покупатель!

– Так вот, он гонит сейчас дорогу через пески куда-то к черту на кулички…

– На Казир-Тушку, – пояснил Вульф. – Стыдно не знать!

– Тогда отложите, Осип Маврович, о строительстве насыпей и мостов на полупустынных почвах.

– А знаете ли вы, – смаковал свои познания Вульф, – что в Уренске большая тюрьма для пересыльных арестантов? Советую взять последние отчеты тюремного комитета, не пожалеете!

– Беру.

Далее Вульф отщелкивал цены на счетах, сердито выкрикивал, словно ругался:

– Транспортабельность чаевых товаров… Там как раз перевалочная база чайной фирмы Иконниковых!

– Беру.

– Удешевленное строительство холерных бараков для пустынных местностей?

– Беру.

– Вопросы санитарии в быту оседлых кочевников?

– Беру.

– «Беру да беру…» А деньги у вас, князь, имеются?

Мышецкий откинулся на спинку стула, расхохотался:

– Нету денег, Осип Маврович! Совсем нету денег…

– Ну вот. Я так и знал, – не обиделся Вульф. – Ладно, говорите, куда переслать книги… Потом рассчитаетесь!

Осип Маврович воровато оглянулся на двери и зашептал:

– Только вы меня, голубчик, не выдавайте… Одному вам, как благородному человеку.

– А что такое? – спросил Мышецкий.

– У меня, – подмигнул ему Вульф, – есть такая книжонка, что… куда там Гомеру!

– Да? А что за книга?

– Секретные лекции охранного отделения. Характеристики всех партий, биографии главарей революции, уйма сведений… А вам, как губернатору, все это надо бы и знать!

– Во сколько вы их цените?

– Двести – не меньше.

– Бога-то побойтесь, – сказал Мышецкий.

– Бог? – спросил Вульф. – Бог сам дрожит от страха… Печаталась-то эта книжонка под наблюдением самого Лопухина! Жандармы и набирали. Как тиснули сорок экземпляров – так и набор разворотили. Страху-то натерпелись, пока вынесли.

– Надо посмотреть, – задумался Сергей Яковлевич. – Все-таки что ни говори, а – двести рублей…

Вульф звонко захлопал себя по толстым ляжкам:

– Двести рублей! Ай-яй… Что вы, князь, двести рублей не заработаете?

Пришлось взять. Целый воз литературы, набранной в долг, Вульф обещал сегодня же переправить на товарную станцию для погрузки в вагон.

На прощание Осип Маврович сам застегнул на князе шубу.

– Берегите себя, – посоветовал вкрадчиво. – Сейчас на Руси нет положения хуже, чем губернаторское!

3

Воронье кружилось над оголенными парками, от фортов Кронштадта наплывал на побережье далекий и ровный гул, фонтаны не работали, и Петергоф напоминал скорее заброшенную дачную местность.

Но по улицам этого «Российского Версаля» скакали с пиками наперевес казачьи разъезды. Время было тревожное, обагренную кровью империю зябко лихорадило – и симпатии Николая II отныне были на стороне верного казачества.

Кончились те блаженные времена, когда русские императоры запросто фланировали по Невскому, кланяясь дамам. Отец его, Александр III, уже накрепко затворился в Гатчине, где в перерывах между запоями играл на тромбоне. Как указывала, по смерти его, иностранная печать: «Это был первый русский император, который умер на троне естественной смертью – от алкоголизма».

Теперь и он, Николай II, прятался по загородным дворцам да покалывал по утрам дровишки. Чего уж там греха таить – неуютная и тревожная жизнь была у последнего русского императора!..

Вдоль трельяжной решетки «Монплезира», куда подъехал Мышецкий, казаки гарцевали уже с ружьями, поставив приклады себе на колени, дулами кверху, сведя крючковатые пальцы на боевом взводе.

В небольшой гостиной, отведенной для ожидания, Сергей Яковлевич застал только двух придворных – адмирала Григоровича и золотопромышленника Базилевского, недавно прибывшего из Сибири. Откуда-то из кухни наплывали запахи пищи – весьма несложные (чуть ли не гречневой каши).

Сложенный из кирпича «Монплезир», тесный и старомодный, был мало удобен для представления царской фамилии, но со вкусами императора никто не спорит. Мышецкий присел на крохотный диванчик, долго разглядывал фарфоровые безделушки, во множестве расставленные по полочкам.

Было очень тихо в старинных комнатах, и не хотелось верить, что где-то на сопках Маньчжурии сейчас с криками и проклятьями умирают под пулями тысячи и тысячи безвестных мучеников…

Григорович задержался в кабинете императора не более двух минут и вышел обратно, вытирая слезы. Постучав князя Мышецкого пальцем по плечику, адмирал заметил с чувством:

– Помните, молодой человек. Помните!.. – Но что надобно помнить, адмирал не сообщил и проследовал в гардеробную.

Камергер Базилевский, о котором уже было доложено, сказал Мышецкому, словно извиняясь:

– Мне только представиться. По случаю прибытия.

– Мне тоже. Только по случаю отбытия…

Герольдмейстер, которому явно было нечего делать, часто выходил на прибрежную балюстраду выкурить папиросу. Потом откуда-то забежал в гостиную котенок, и герольдмейстер, предварительно сняв перчатку, за шкирку вынес его на улицу.

Мышецкого он видел впервые и потому – от скуки – решил его немного образовать в правилах этикета:

– Пожалуйста, князь, не вступайте в разговор первым, старайтесь лишь отвечать. Если же войдет императрица, подставьте ей свою руку – вот так. Она положит на нее сверху свою руку – вот так, и тогда…

– И тогда я ее поцелую, – недовольно пресек его Сергей Яковлевич. – Благодарю вас, сударь, но этому меня учили еще с детства…

Тем временем Базилевский, не рассчитав дистанции, толкнул двери задом. Потирая ушибленную ягодицу, он успел шепнуть Мышецкому:

– Мы еще, князь, наверное, свидимся на вокзале. Если что – так я буду в ресторане. Вернемся вместе…

Сергей Яковлевич поддернул шпагу, оглядел себя в последний раз. Кажется, все было в должном порядке и на белых панталонах ни одной складки, ни единого пятнышка.

Странно! Сколько ни красовался Мышецкий модным либерализмом перед дамами, сколько ни порицал нынешнее правление, сколько ни болтал о конституции и равноправии, но сила многовековых традиций каждый раз брала верх надо всем его пустословием, когда он стоял перед царскими позлащенными дверями…

Потому и сейчас правовед был взволнован – часто-часто и мелко-мелко крестил себя возле пупка. Герольдмейстер, доложив о нем императору, распахнул перед князем двери.

– Его величество, – сказал он.

Мышецкий шагнул вперед и очутился в тесной угловой комнате, окна которой выходили прямо на взморье. Образцовый порядок царствовал на небольшом столе, чернильница была прихлопнула крышкой. Несмотря на холодный воздух, дверь на улицу стояла открытою настежь, и в проеме ее, на сером фоне морского льда, виднелся большой топор, воткнутый сверху в чурбан, похожий на плаху.

А вот и сам дровосек, одетый, словно палач, в яркую малиновую рубаху (такие рубахи носили царскосельские стрелки). Николай стоял, слегка расставив ноги, и – что поразило Мышецкого – свободно почесывал себе под мышкой.

Покончив с чесанием, его императорское величество проследовали от стены до стола и высочайше соизволили подержать в руке тяжелое пресс-папье, как бы взвешивая его.

Мышецкий разогнулся от низкого поклона.

Оба молчали.

Николаю надо было говорить первому, но по всему было видно, что сегодня он уже наговорился. Император устал, просто ему все это уже надоело. Наверное, он даже не знал, с чего начать, и потому сказал очень обыденные слова:

– А сегодня, князь, как будто запахло весною…

– Да, ваше величество, и, мне думается, в Уренской губернии, когда я заступлю на свой пост, весна будет уже в разгаре…

Император вскинул на него серые, чуть-чуть припухшие глаза:

– Мне очень хорошо отзывался о вас мой дядя Алексей… Вы что, князь? Тоже играли?

Сергей Яковлевич невольно съежился.

– По просьбе вашего августейшего дяди, – не сплоховал он с ответом, – я пытался изыскать систему, ваше величество.

Николай слегка призадумался.

– Напрасно, – ответил он. – Система в баккара – хлеб англичан. Она очень проста: следует делать ставки «против серии» до конца игры, с учетом на прогрессивное удвоение…

Император вдруг спохватился и переменил тон:

– Кстати, кто там в Уренске губернатором?

– Статский советник Влахопулов, ваше величество.

– А-а, помню… Его особо отличал еще мой батюшка. Прибудете на место, – кланяйтесь от меня. Я старых слуг не забываю. Так и скажите ему.

– Благодарю, ваше величество. Знаки вашего благоволения особо приятны для людей, служащих на окраинах великой Российской империи.

– А что там с икрой? – неожиданно произнес император. – Я слышал, что икра пропадает. Гниет… Ежели не хватает соли, то вам следует наладить работу градирен.

Мышецкий уже заглотнул в себя воздух, чтобы выразить недоумение: ведь Уренская губерния, в которую он едет, бедна рыбным промыслом, но вовремя сдержался.

– Обещаю, ваше величество, – сказал он.

– Также и… земцы! – вдруг выговорил Николай. – Я им не доверяю. Особенно – тверичанам.

«При чем здесь земцы?» – Сергей Яковлевич хотел сказать, что Уренская провинция не входит в число тридцати четырех губерний, на которые распространены земские учреждения, но решил снова покориться.

– Безусловно, ваше величество, – согласился он внятно.

Император смотрел на него теперь с удивлением.

– Но в Уренской губернии нет земства, – сказал он, дернув плечом. – Разве же вы, князь, не знали об этом?

Надо было выкручиваться, и Мышецкий заявил:

– Я только позволил себе, ваше величество, поддержать ваше высокое мнение о тверском земстве…

Николай аккуратно поставил пресс-папье, по-мужицки поддернул рукава малиновой рубахи.

– Проследите, – наказал он, – чтобы домовладельцы строже подбирали для себя дворников. Лучше всего – через полицию.

Мышецкий поклонился, и Николай в раздумье побарабанил пальцами по краю стола.

– От дворников, – мечтательно сообщил император, – ныне очень многое зависит… Ну, хорошо!

Сергей Яковлевич понял, что разговор закончен, и попятился к дверям, рассчитывая не повторить ошибки Базилевского.

Вслед ему был поднят императорский палец.

– Глаз да глаз! – сочно сказал Николай.

Мышецкий вышел из «Монплезира» почти в растерянности, невольно вспомнив о Вульфе. Почему все так? Отчего этот польский еврей, живущий в России единых барышей ради, и тот знает Россию (пусть даже по книгам) лучше русского императора?..

Вернувшись в Петербург, князь Мышецкий зашел в департамент. Его сразу же обступили с вопросами чиновники:

– Что говорил вам его величество? Как он?

Сергей Яковлевич – палец за пальцем, – стягивал лайку перчаток, медлил. «Действительно, что им сказать?..»

– Его величество, – сказал он, – как всегда, бодр!

4

Поздний вечер застал его на Сиверской – в тишине заснеженных дач. На пустынной станции он долго искал извозчика. Нашел и велел везти себя на дачу Попова.

– Это какого же? – спросил возница. – Мельника, что ли?

– Ну пусть по-твоему, – устало согласился Сергей Яковлевич, – вези к мельнику. (Попов, владелец мукомольной фабрики в Петербруге, был женат на его сестре Евдокии Яковлевне.)

Лошаденка бойко влегала в хомут. За притихшим бором кончилась Сиверская, угасли вдали отзвуки граммофонов. Вот мелькнули огни дачи министра двора Фредерикса и магазинщика Елисеева, вспыхнула в ночи, сверкая фонарями, богатая вилла «ртутного короля» Александра Ауэрбаха, потом – снова темь, только шипел снег под полозьями да лаяли где-то собаки…

Как было приятно выбраться из саней, ощутить тепло обжитого дома и сразу попасть в объятия сестры – любимой им неровной, но восторженной любовью.

– Сережка! – крикнула сестра, как в далеком детстве, и кинулась ему навстречу, вся в шуршащем ворохе каких-то лент и пестрых шалей.

– Додо! Милая Додо…

Мышецкий взял ее голову в ладони, всмотрелся в лицо: глаза сестры были зажмурены от счастья и две большие слезы медленно стекали по крепким, как яблоки, щекам.

– Ты похорошела, Додо, – сказал он, целуя сестру в чистый лоб, и любовно отпихнул ее от себя.

А по лестнице, в домашнем затрапезе, уже катился круглым колобком и сам Попов – наидобрейший человек, поклонник знаменитых голландцев, слепой обожатель своей жены.

– Сергей Яковлевич! Боже, как я счастлив…

Мышецкий обнял его, и Попов вдруг разрыдался, как малое дитя, часто целуя воротник княжеской шубы, руки, лицо и галстук своего шурина.

– Начинается, – вдруг жестко произнесла сестра.

– Петя, Петя… что ты, успокойся! – говорил ему Сергей Яковлевич и заметил, что Додо уже не было в передней.

Обняв всхлипывающего Попова, Мышецкий увлек его за собой в комнаты сестры, натисканные сувенирами годов ее юности (радостная память о Смольном, горькая память о былом камерфрейлинстве)…

Сестра раскурила папиросу, опустилась на диванчик, тяжело просевший под ее располневшим телом; в широком проеме вечернего пеньюара виднелась вздыбленная корсетом грудь с загадочным – как в астрологическом зодиаке – расположением родимых пятен.

– Ну, – начала сестра почти сердито, – говори: куда ты едешь и зачем едешь? Что за жена и каковы родичи? Велико ли приданое и как назвали моего племянника?

Мышецкий стыдливо назвал имя своего сына. Петя в робости топтался возле дверей.

– Оставь нас! – прикрикнула сестра, и Попов покорно затворил за собой двери.

Додо встала, стремительно прошлась по комнате. Широкие одежды ее, как ремни, со свистом стегали вокруг нее воздух.

– Мы ведем свой род от Рюрика, – вспылила она, – не затем, чтобы закончить его Адольфом-Бурхардом! Мой мельник этого не поймет, он оставит моим детям только муку и жернова. Но – ты! Ты обязан продлить род…

Мышецкий, не вставая с кресла, ласково привлек к себе сестру за руку:

– Что с тобою, Додо? Почему ты так говоришь о своем муже? Ведь Петя хороший человек, и он тебя очень любит.

– Ты ничего не знаешь! – отмахнулась сестра и сразу заговорила о другом: – Поедешь, наверно, через Новгород?.. Ради бога, посети наше гнездо, где мы были так счастливы в детстве… Вокруг все рушится, все трещит! Как спасать – не знаю! Кровь, всюду кровь…

Додо говорила яростно, залпами, и Мышецкий уловил в ее дыхании слабый запах вина.

– Ладно, – миролюбиво закончил он, вставая. – Я поднимусь к Пете. Неудобно…

Попов явно поджидал его, стоя среди своих сокровищ – огромной коллекции гравюр и офортов, упрятанных в роскошные фолианты зеленого сафьяна. На рабочем столе его возвышались груды каталогов от Бёрнера, Драгулина и фирмы Бисмейера, которые совсем вытеснили на край и задавили нехитрую бухгалтерию его мукомольной фабрики.

Желая сделать приятное шурину, Сергей Яковлевич сразу же разрешил:

– Ну, Петя, начинай хвастать!

И бедный Петя сорвался с места, лез к потолку, тащил пудовый фолиант, кончиками пальцев бережно ласкал линии офорта, ликовал от восторга:

– Тридцать пятый лист к сюите Рейнеке… Знаете – кого это? Самого великого Эвердингена. И, знаете, как достал? В хламе с аукциона! Продавался вместе с египетским саркофагом из-под мумии. Всего за две сотенных… Без саркофага не продают! Что делать? Я взял… Теперь у меня не хватает только восемнадцатого листа…

– А где же саркофаг?

– Куда его! Отдал на свинарник. Из него теперь свиньи помои лакают… Нет-нет-нет, – настаивал Петя, – возьмите линзу: какая непревзойденная четкость линий! А нажим, нажим… Ну?

Мышецкий линзу взял, отметил железную точность резца, но мысли его сейчас были далеки от искусства.

– Милый Петя! – И он вскинул линзу к глазам, посмотрев на увлеченного шурина. – Я кое-что уже слышал в Питере, но, честно говоря, не верю… Додо человек остро чувствующий, несомненно – личность незаурядная, но как бы там ни было… Я не верю! – повторил Сергей Яковлевич, ибо ничего более не мог сказать в оправдание сестры.

Попов тихонько заскулил, пряча свое большое лицо в широко растопыренных пальцах. Мышецкий смотрел на его подрагивающие, по-бабьи рыхлые плечи и мучительно переживал за этого человека.

– Вы ничего не знаете, – сказал Попов, снова всхлипывая. – Но мне так тяжело… Так тяжело! Боже, какой я несчастный.

Князь пересел поближе к шурину, встряхнул его:

– Дорогой Петя, я не знаю, как это делается, но… Сойдитесь с первой же горничной – вам станет легче.

– Нет, – отозвался Попов, – я не могу… Я слишком люблю вашу сестру.

Он вдруг встал, раскинул руки, обвел стены в сафьяновых фолиантах, лицо его просветлело.

– Все равно, – сказал он торжественно. – Я самый счастливый человек на свете… Вот они, мои сокровища! Великие мужи мира сего! Я недостоин созерцать вас. Но вы… Вы укрепляете дух мой!..

Их позвали вниз – к чаю. В гостиную, широко позевывая, вышел откуда-то из потемок статный красавец, которого Сергей Яковлевич знал еще по Петербургу. Это был граф Подгоричани, служивший в кавалергардах. Судя по всему, он чувствовал себя на даче Поповых как в родном полку. Тонкие, в обтяжку рейтузы кавалериста бесстыдно подчеркивали ту часть его тела, которую прогрессивное человечество находит нужным укрывать от докучного любопытства.

Сергей Яковлевич со значением посмотрел на сестру, и она поняла его взгляд, полный укоризны.

– Друг нашего дома, – сказала Додо и тихо добавила: – И… Петин друг!

Бедный Петя совсем сгорбился за столом, машинально дул на горячую ложечку. Подгоричани, на правах знакомца, сунул Мышецкому руку, на которой не хватало двух пальцев, откушенных лошадью (или потерянных в рубке, как заявлял он).

– Рад видеть вас, князь. Давненько в наших палестинах?

И, не дождавшись ответа, раскрыл буфетные дверцы. Послышалось тяжелое бульканье ликера. Подгоричани крякнул и снова появился перед столом, оглядев притихшее семейство ясными, наглыми глазами.

– А вы, граф, все еще в полку? – спросил Мышецкий с вызовом, быстро бледнея.

– Конечно!

– Хм, странно…

– Чего же странного?

– Странно, что вас еще не выгнали…

Чувствуя назревающий скандал, сестра перехватила поднос из рук горничной:

– Идите, милая. Остальное я сделаю сама…

Додо была растеряна, и Мышецкому стало жаль ее. Сергей Яковлевич решил пренебречь всем, дружески повернулся к своему шурину:

– Я хотел бы поговорить с вами, Петя.

– Отчего же… Может, выйдем в бильярдную?

– Говорите здесь, – громко сказал Подгоричани. – Я не буду прислушиваться…

– Дело в том, – начал Мышецкий неуверенно, – что мне нужны деньги. И на этот раз – немалая сумма…

– Кстати, – вмешался Подгоричани, – мне тоже нужны деньги.

Мышецкий оттолкнул от себя чашку, и рыжие потоки чая заплеснули скатерть. Он сорвал с груди салфетку и, скомкав, швырнул ее через весь стол в лицо графу Подгоричани.

– Авдотья! – потребовал он. – Усмири его…

Додо поднялась из-за стола.

– Анатоль, – сказала она, – вы же благородный человек!

Петя осмелел:

– Анатолий Николаевич, как вам не стыдно? А еще дворянин! Неужели вам не зазорно проживать на мой счет? Эх, вы…

Подгоричани встал, направился к дверям.

– Я же отдам!.. – заявил он с порога.

Мышецкий долго сидел над опрокинутой чашечкой, мучительно страдая.

– Вот так и живем, – снова заплакал Петя.

– Я не виновата, – ответила Додо.

– Быть по сему, – вздохнул Мышецкий, поднимаясь. – Ладно, покажите, где приготовлена постель для меня…

День сегодня был слишком богат событиями, и он сильно устал. Князь добрался до отведенных ему покоев, быстро уснул.

Ночью к усадьбе подошли волки и, сев на тощие подмороженные зады, дружно обвыли обитателей этого дома.

5

Денег у шурина он все-таки занял и утром вернулся в город, чтобы встретить Алису.

На вокзале Мышецкий наскоро перекусил в буфете (завтракать у Поповых он отказался, ссылаясь на диету) и поспешил на перрон. Ждать пришлось недолго: сверкающий локомотив, устало вздыхая после дороги, плавно подкатил запыленные вагоны.

Сергей Яковлевич был настроен несколько торжественно, на любовный лад. Встреча с Алисой рисовалась ему чем-то волнующим и праздничным. Князь был молод, здоров и тосковал по недавно обретенному супружескому счастью.

Двери заветного вагона распахнулись, Мышецкий в нетерпении подался вперед, снял цилиндр, приосанился, взмахнул тростью. «Ну, сейчас, сейчас!..»

И вдруг – о ужас! – перед ним запрыгали котелки и тросточки близнецов фон Гувениусов, в глазах князя запестрело от мелькания их панталонов в мелкую клетку. Божий свет померк, и сразу все сделалось пустым и безразличным.

Алиса издали тянула к нему руку с зонтиком.

– Serge, Serge! – звала она.

Сергей Яковлевич уже растерял приготовленные слова.

– Наконец-то, – вот и все, что он смог сказать.

Еще вчера он распорядился подогнать к вокзалу карету – свою, старенькую, но вместительную. Фон Гувениусы уже качались на мягких подушках, захлебываясь от восторга.

Мышецкий тут же выставил их обратно:

– А ну – брысь, судари! Здесь сядет кормилица…

Они прыгали вокруг него, как восторженные лягушки:

– А куда же нам? А как мы?

– Куда вам? – переспросил Мышецкий надменно.

В нем вдруг заговорил столбовой дворянин, идущий от князей черниговских, – униженная гордость встала на дыбы:

– Для вас, молодые люди, уже приготовлены запятки!

Он захлопнул дверцы перед их носом. Алиса не ощутила его холодности при встрече, и это было неприятно Сергею Яковлевичу тоже. Он отомстил ей тем, что только в карете соизволил взглянуть впервые на младенца.

– Как часто вы даете ему грудь? – спросил он кормилицу.

Та в ответ только потрясла головою, и Мышецкий с упреком повернулся к жене:

– Разве же кормилица не знает по-русски?

– Нет, Serge. Зато у нее чистый берлинский выговор.

– Завтра же отправим обратно, – распорядился он. – Кормилица будет русская, имя сына – тоже русское, Афанасий!

Жена попробовала что-то возразить, но он сухо закончил:

– Дорогая, с меня достаточно и твоих кузенов…

Они уже сворачивали на Первую роту Измайловского полка, и Сергей Яковлевич оглянулся назад: близнецы фон Гувениусы, обняв друг друга, придерживая рыжие котелки, тряслись следом за каретой в наемных дрожках.

– Зачем ты привезла их сюда? – спросил он жену строго.

– Молодые люди жаждут делать карьеру, – был ответ.

– Боже, но кому они нужны здесь? – в отчаянии произнес Сергей Яковлевич.

– Правда, – заметила Алиса, – они могли бы поехать и в Берлин, но…

– Так почему же не поехали?

– Но ведь Петербург ближе, – рассудила жена.

Мышецкий зло рассмеялся.

– Ах, только потому! Я и не знал, что они такие патриоты. Но, посуди сама, куда же я их дену? Петербург ломится от своих чиновников – образованных, знающих языки и дело!

Алиса забрала из рук мужа цилиндр и положила в него свои перчатки.

– Я понимаю, – ответила она спокойно, – в Петербурге им будет трудно устроиться на службу. Но ты должен забрать их с собою.

Мышецкий не отказал себе в удовольствии съязвить:

– Да, милая, но Берлин-то гораздо ближе, чем Уренская губерния!

Наконец-то жена поняла и обиделась:

– Ты всегда был недоволен моей родней, но твоей родни я что-то еще не видела.

Сергей Яковлевич вспомнил свою сестру, жалкого Петю, рейтузы графа Подгоричани и надолго замолчал.

А Петербург – в предчувствии весны – был так хорош сегодня! Солнце золотило купола церквей, сияние дня наложило на здания легкие пастельные тона, как на старинных акварелях. Близилась Пасха, и город тонул весь в пушистых вербных сережках. Над гамом площадей и улиц вдруг ударило пушечным громом, и жена пугливо вздрогнула.

Мышецкий взял ее прохладную ладонь в свою…

– Полдень, – объяснил он, – ты не пугайся… Двести лет подряд Россия отмечает свой трудовой день! Привыкни к этому.

И ему вдруг стало жаль жену, залетевшую в чуждый ей мир, где только его объятия знакомы для нее. И Сергей Яковлевич привлек Алису к себе, заботливо поправил цветы на шляпе и погладил ее длинные пальцы, безвольно лежавшие на коленях.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Без працы не бенды кололацы!

Алиса не поняла его, но засмеялась. Карета остановилась, и Мышецкий приветливо распахнул дверцы:

– Вот и наш дом. И ты – хозяйка…

Жена подняла глаза кверху: под карнизом крыши обсыпался трухлявой штукатуркой княжеский герб.

– Почему ты не поправишь его? – спросила Алиса.

– Жалко денег на эти… глупости, – ответил муж.

С грохотом подкатили на своей таратайке и близнецы фон Гувениусы, снова зарябили штанами и жилетками.

Мышецкий предупредил их:

– Молодые люди, у меня к вам просьба – не таскайте мелочь из моих карманов. У меня этого не делают даже лакеи. И оставьте в покое горничную – для таких, как вы, существуют публичные дома…

Через несколько дней, поздно вечером, вагон уренского вице-губернатора, прицепленный к поезду, миновал окраины Петербурга и медленно окунулся в черноту ночи: началось путешествие – мимо городов и сел, по чащобам лесов и степей, в глухие просторы заснеженной Российской империи.

Глава вторая

1

В дорожной свите, помимо повара, нанятого до Казани, появилось новое лицо – кормилица Сусанна Бакшеева (или же попросту Сана), чистоплотная бабенка с могучей грудью, очень независимая в обращении с господами, взятая из конторы по найму кормилиц с очень хорошими рекомендациями.

Однажды, сидя напротив нее и глядя, как сует она темный сосок в бледно-розовый рот младенца, Мышецкий с трудом отвел взгляд на посторонние предметы.

– А где же твой муж, Сана?

– А шут его знает, – ответила женщина. – Наверное, где-нибудь да шляется, непутевый…

– Не боишься, что завезем тебя далеко?

– Ах, не всё ли равно! Куда ни приедешь – везде Россия…

Мышецкий потом долго ругал себя за то, что имел неосторожность спросить по наивности:

– Твой-то ребенок, Сана, с кем остался?

И женщина вдруг отвернулась к окну:

– Не спрашивайте. А то разревусь и молоко испорчу…

Сергей Яковлевич вышел в коридор, вдоль которого висели развешанные для просушки сырые пеленки. Министерский вагон, прослоенный свинцом на случай катастрофы, тяжело мотало на поворотах. Внутри его было душно, но Алиса не разрешала устраивать сквозняков, остерегаясь ночной сырости.

В неизменном шарфике на шее, сухо покашливая в кулак, вышел и Кобзев, перед которым Мышецкий счел нужным извиниться за пеленки, развешанные в проходе.

– Что вы, Сергей Яковлевич, – ответил старик. – Наоборот, мне даже приятно. Напоминает о семейном счастье, каким я никогда не пользовался…

Мышецкий приник к оконным стеклам, загородясь от света ладонями. Долго вглядывался во тьму, расцвеченную пробегающими пятнами из-под паровоза, истошно кричавшего впереди.

– Кажется, – сказал он, – проскочили Лугу… Когда-то я проводил здесь перепись населения, а для мужиков, не обладавших фантазией, придумывал фамилии: Бельведерский, Подсудимов, Шибкопляс и Папаримский…

– Развлекались?

– Был молод, – вздохнул Мышецкий с сожалением.

– Вы не стары и сейчас.

– Тридцать лет, – улыбнулся чиновник. – Возраст для поэта уже критический.

– Но только не для вице-губернатора, – заключил Иван Степанович Кобзев.

Немного помолчали, привыкая один к другому.

– В Луге, – не сразу продолжил Кобзев, – почвы удивительны. Они отдают из недр своих здоровое излучение, благодаря чему человек в этих краях живет долее обычного. Кстати, здесь родина многих декабристов…

– Да… А знаете, – с удовольствием напомнил Мышецкий, – ведь Муравьевы мои дальние родственники! Утром мы как раз будем в моих краях. Сестра просила меня поклониться могилам. Посмотреть – как там все…

Кобзев сильно закашлялся, и Сергей Яковлевич торопливо загасил папиросу:

– Извините, более я не буду курить в вашем присутствии.

– Ничего, – отозвался Иван Степанович и смущенно стиснул в кулаке платок.

Мышецкий все же заметил на нем кровь.

– Что же вы раньше ничего не сказали? – испугался он.

– Вы не беспокойтесь, – ответил Кобзев. – В купе, где ваши жена и мальчик, я заходить не буду. Мне бы только доехать. Только бы доехать!..

За ночь Сергей Яковлевич успел немного вздремнуть, но чутко слышал, как отцепляли вагон от состава. Его разбудил путеец, не поленившийся прийти со станции.

– Ваше сиятельство, – сказал он, посветив фонарем, – имею распоряжение, согласно вашей просьбе, задержать вагон на границе Валдайского и Крестецкого уездов.

– Благодарю, я сейчас выйду. Скажите – есть ли поблизости мужики с лошадьми?

– Здесь неподалеку перевоз – найдете, князь…

В вагоне стояла непривычная тишина. Мышецкий заглянул в купе Алисы – жена крепко спала, кружевной чепчик ее сбился на одно ухо. Приоткрыл двери «детской» – Сана могуче раскинулась на плюшевом диване, из-под локтя женщины выглядывало личико младенца.

«Какие они все славные люди», – с умилением думал Мышецкий, выходя из вагона.

Утро было жестко-холодное, лужи хрустели под ногами. Сергей Яковлевич пожалел, что оставил шубу в вагоне, надев только крылатку. Ехать было недалеко, но мужики заломили с него немало по случаю… овса (как водится, опять подорожавшего).

– Ладно, поехали. До Заручевья и обратно…

И в тряской телеге, пока еще не совсем рассвело, он больше дремал, прислушиваясь к раннему пению петухов. Но вот туман расступился, кобыленка внесла телегу на угорье, дробно простучал под колесами настил моста, повеяло в воздухе чем-то утешно-сладким, родным, полузабытым…

Заручевье встретило его пустотой и навозной прелью. Был еще ранний час, и князя, конечно, никто не ждал. Да и забыли – кому он нужен теперь? Дряхлый священник на паперти церкви долго тыкал ключом в замок – сослепу промахивался.

– День добрый, батюшка, – сказал князь, подходя к нему. – Как на кладбище – целы ли могилы?

– Ну сударь! Человек цел не будет, а могилам что станется? Об этом не печальтесь…

Сергей Яковлевич оглядел тоскливую, словно выбитую гладом и мором, панораму бывшего родимого имения.

– А ведь тут была раньше аллея столетних вязов и кленов, – машинально вспомнил он. – Где же она, батюшка?

– Вырубили, сударь. Мужики вырубили.

– Зачем же?

– Поначалу так просто, чтобы продать. Но миром не поделили и миром пропили. В брюхе ведь не видать – кому больше, кому меньше досталось… Нету, сударь, аллейки!

– Жаль, – вздохнул Мышецкий.

К ногам его упали тяжелые засовы с дверей, распахнулась перед ним мрачная утроба бедной сельской церквушки.

– Зайдете, сударь? – спросил священник.

– Нет, – раздумывал Мышецкий, – мне тяжело молиться на этом месте. Я помолюсь про себя…

Прибежал откуда-то староста, спросонья принявший его за исправника. Вдвоем они добрели до разрушенной усадьбы. Двери были забиты досками, и Мышецкий с хрустом отодрал их напрочь. Ногой выбил двери, сказал старосте:

– Не входи. Я один…

С трепетом, на цыпочках, словно боясь разбудить кого-то, он вошел внутрь дома, и дом сразу отозвался на приход хозяина скрипами и плакучим воем ветра под сводами.

Где-то взвизгнула умирающая дверь. Сергей Яковлевич снял шляпу, как над покойником, едва приучил глаза к полумраку. Дневной свет дробился через щели заколоченных окон, жирная пыль таяла под пальцами.

– Ваше сиятельство, – заголосил староста снаружи, – не ходите дале: пол может провалиться!..

– Убирайся прочь, – ответил Мышецкий. – Подо мною он не провалится…

Сергей Яковлевич вошел в высокое зало, хлопнул в ладоши, и ему вдруг послышался аромат бабушкиных духов, почудились шелесты платья Лизы Бакуниной, слабые перестуки ее бальных башмачков. Здесь, в этом доме, рождались и умирали его прадеды и деды, здесь же родился он сам, здесь он встретил свою первую любовь.

Он глотнул в себя затхлую сырость и спросил со слезами:

– Лиза, Лизанька! Почему вы меня разлюбили?

Из мрачной пустоты глядели на него с потолка облупленные пухлозадые купидончики, тускло отсвечивала позолота плафонов, расписанных неизвестным крепостным мастером. Мышецкий смахнул рукавом пыль с камина и посмотрел на себя в зеркальную поверхность каминного мрамора – заглянул глубоко-глубоко, как в другое столетие.

Это было не его лицо – лучше не смотреть: страшно…

– Заходи сюда! – крикнул он старосте. – Посветишь мне.

Староста чиркал спички, освещая стены. Пожухлые от времени, в черноте древних красок, в пыльной коросте и трещинах, ожили перед ним портреты сородичей: вот пиит Г. Р. Державин, вот композитор Львов, вот декабристы Муравьевы, книголюбы Полторацкие, инженеры Мордвиновы…

Все они прошли по земле, как тени, и совсем случайно волосатой зверюгой глянул из угла неистовый анархист Бакунин.

– И ты здесь? – подмигнул ему Сергей Яковлевич, и ему даже стало немножко весело…

Когда он выходил из дома, на крыльце уже собрались сбежавшиеся из деревни ребятишки. Князь заметил, что многие из детей были босы и зябко переступали пятками по талому снегу, и он спросил их:

– Почему вы не обуты? Где же валенцы?

– А мамка отняла…

– Так вам же холодно?

– Не, барин. Сейчас горазд теплее…

– Забивай снова! – велел Мышецкий старосте и, не оглядываясь, пошел прочь от этого места.

Шагал, прыгая через лужи, и думал о России: «Босая, нищая, наполненная преданиями, с могилами в березовых рощах, красуется она какой-то особой увядающей прелестью старины. Но что останется от нас… от меня? Неужели тоже лягу вот здесь на погосте и – всё?..»

Сергей Яковлевич неожиданно вспомнил слова сестры: «Все рушится, все трещит… Как спасать – не знаю!»

«Я тоже не знаю, – признался себе Мышецкий. – Да и что нам спасать с тобою, сестра?..»

Мужик-возница терпеливо поджидал его возле телеги. Сергей Яковлевич еще раз глянул в сторону кладбища. Над крестами древних могил уплывали куда-то белые облака.

И только теперь он истово начал креститься.

– Спите с миром, – сказал он. – Вы ни в чем не повинны, а я буду служить честно. Мне же за все и расплачиваться. За все, за все!..

Когда он вернулся, в вагоне еще спали. Мышецкий велел начальнику станции прицеплять вагон к первому же поезду.

«С глаз долой – из сердца прочь».

Но ему еще долго виделись печальные перелески, что разбегаются по увалам, пестро чернеющая зябь за рекою да плывущие в небо дымки далеких деревень.

2

За крикливой, машущей халатами Казанью понеслись под насыпью первые вешние воды. Черноземной сытью парило над подталыми пашнями. Мышецкий исподтишка наблюдал за все возрастающим удивлением Алисы: жена не привыкла к грандиозным просторам, ее глаза открывались все шире и шире.

– Боже мой, – твердила она, – когда же кончится Россия?

Впрочем, Сергей Яковлевич и сам не переставал удивляться: Россия представала в этом пути каким-то удивительно сложным, но плохо спаянным организмом, и мысли князя Мышецкого невольно возвращались назад – в тесную комнатку «Монплезира», где неумный полковник в красной рубашке, лениво почесываясь, скучно толковал ему об икре и дворниках.

«Конечно же, – раздумывал Мышецкий в одиночестве, – где ему справиться одному? Тут нужна армия образованных, смелых и честных людей, свято верующих в величие своего государства!..»

Дыхание войны ощущалось в провинции сильнее, нежели в Петербурге. Пути были забиты эшелонами. Россия рыдала на вокзалах, плясала и буйствовала. В гармошечных визгах тонули причитания осиротевших баб.

В одном уездном городишке вагон министерства внутренних дел был задержан из-за волнений запасных, не желавших ехать далее – умирать на маньчжурских равнинах. Впервые в жизни Сергей Яковлевич увидел открыто выброшенный лозунг: «Долой самодержавие!».

Станционный жандарм успел предупредить Мышецкого:

– Не подходите к окнам! Сейчас отцепят…

Сергей Яковлевич все-таки подошел. Перед ним ворочался серый ежик солдатской массы, шевеля острыми иглами штыков. Пожилой запасный заметил в окне барственную фигуру Мышецкого и что-то долго орал ему. Через стекло не было слышно его голоса, только широко разевался зубастый рот солдата, выбрасывавший брань по адресу князя.

Мышецкий не знал, как отреагировать, и помахал рукою:

– Чего ты орешь? Я-то здесь при чем?

Булыжник рассадил вдребезги стекла. Вагон сразу наполнился гвалтом и руганью. Снова вбежал запыхавшийся жандарм, и пульман тихо тронулся.

– Ваше сиятельство, – сказал жандарм, – надобно бы замазать знаки министерства внутренних дел. Иначе дорога не может гарантировать вам безопасность движения…

«Боже, – подумал Мышецкий, – какая глупая история с этой дурацкой войной… Хотели умники отсрочить революцию, но она, наоборот, приближается! Однако каково мне-то?..»

Он прошел в купе Алисы, чтобы успокоить жену.

– Дорогая, – сказал, посверкивая стеклами пенсне, – сосредоточь свои помыслы на воспитании сына, и пусть все остальное тебя не касается. Россия – страна острых контрастов. Здесь нам выбили стекла, а в Уренске – вот увидишь! – нас встретят цветами…

Всю дорогу Сергей Яковлевич много, неустанно читал. С вожделением смаковал таблицы с пудами, рублями и десятинами. На полях книг ему встречалось множество отметок, чьи-то жирные вопросы.

– Не сердитесь, – признался Кобзев, – это моя рука… Не могу отказать себе в удовольствии побеседовать с авторами!

С того памятного разговора, когда они проезжали Лугу, началось сближение Мышецкого с Иваном Степановичем. Да и с кем, спрашивается, он еще мог беседовать в дороге? Алиса – славная женщина (он будет ее любить всегда), но последнее время она больше говорит о тол-

стых немецких сосисках, жалуется на свое малокровие. Сана – вот, действительно, разумный человек, крепкий бабий ум, как и все крепкое в этой женщине. Но… она ведь только Сана, у которой большая молочная грудь, за что ей и платят деньги.

А вот – Кобзев!.. О-о, этот человек казался отчасти загадочным для Сергея Яковлевича, и это тревожило чиновный ум, мысль Мышецкого иногда скользила, как по льду. Ходили они поначалу вокруг да около…

Вот и сегодня, например.

– Знаете, князь, – усмехнулся Иван Степанович, – а ведь в одной из ваших книг (дрянь книжонка) я встретил упоминание даже о себе!

– Очевидно, – догадался Мышецкий, – вы имеете в виду лекции охранного отделения?

– Именно так, князь…

За стенкой, в соседнем купе, яростно зашумели: это близнецы фон Гувениусы спорили, как правильнее «кофорить по русский»: стригивался или стригнулся?

Мышецкий в раздражении забарабанил кулаком в стенку:

– Да замолчите вы, шмерцы!

– Эти лекции вы прочли тоже? – напомнил Кобзев.

– Да, я просмотрел их. Но вашего имени, простите, я там не встретил.

Иван Степанович не сразу дал понять:

– Поищите меня в «болоте», там есть такой раздел для нашего брата, партийность которого не определена. Впрочем, жандармы, может, и правы, свалив меня в «болото». Я больше присматриваюсь в последнее время. Идеалы прошлого народовольчества еще слишком сильны для меня. И – обаятельны!

Мышецкий осторожно спросил:

– Скажите мне честно: Кобзев – это ваша настоящая фамилия?

В ответ – уклончивые слова:

– Безразлично, князь, как назвали человека при рождении. Имя человека – такая же условность, как и герб, который я видел на фронтоне вашего особняка в Петербурге…

Мышецкий выждал и спросил, что означают его многочисленные пометки «КМ» на полях некоторых книг?

– Карл Маркс, – суховато ответил Кобзев. – И мне было бы занятно знать, каково ваше отношение к этому выдающемуся мыслителю?

Сергей Яковлевич не был готов к подобному вопросу.

– Видите ли, – начал он, – было бы стыдно, если бы я не читал его… Но это скорее прекрасная утопия, никак не приложимая к нашей жизни. Сказанное Марксом было сказано и до него. Новое есть всегда чуточку повторение забытого старого. Я нахожу в нем преемственность идей, выдвинутых когда-то еще Фомой Аквинским. Теория об отдельном товаре представляется мне такой же древней и такой же трагической для человечества субстанцией, как для схоластики участие каждого человека в «первородном грехе»…

Он заметил усмешку, затерянную в бороде собеседника, и это охладило Сергея Яковлевича.

– Вы молчите? – спросил он. – Вы не согласны или же просто не желаете спорить?

– Я думаю, – ответил Кобзев, – что это попросту бесполезно. Впрочем, если бы вы оказались учеником Карла Маркса, то – смею вас заверить – вас и не назначили бы вице-губернатором!

Мышецкий слегка обиделся, но русская жизнь, дикая и путаная, пробегая за окнами вагона, давала столько интересных тем для споров, что обижаться долго не приходилось.

Однажды они наблюдали, как вокруг лопнувшего мешка с сахаром вороньем кружили дети и бабы: они хватали сахар горстями, сыпали за пазуху, тут же тискали его в рот. Городо-

вой махал над ними своей «селедкой», но – куда там! Люди со смехом отбрасывали от себя и городового и его «селедку»…

– Вот, – подсказал Кобзев, – как государственный человек, вы должны запомнить эту картину. Когда-то вы писали о чаевом налоге – так напишите о налоге на сахар, который продается внутри страны пуд по четыре рубля шестьдесят копеек, а вывозится за границу стоимостью в один рубль двадцать девять копеек… Разве же это не преступление перед бедным русским народом?

И князь Мышецкий (вице-губернатор и камер-юнкер двора его императорского величества) был вынужден признать: да, это преступление.

– А кто узаконил сие преступление? – продолжал Кобзев.

Он выжидал ответа…

И ничего князю не оставалось, как снова подтвердить, что это преступление узаконено (посредством тайных премий сахарозаводчикам) самим правительством.

– Только, пожалуйста, – смутился Сергей Яковлевич, – не допытывайтесь у меня далее, ктó стоит во главе этого правительства. А то ведь мы с вами договоримся черт знает до чего!

– Я вот так и договорился, – грустно улыбнулся Кобзев. – И не черт знает до чего, а вполне конкретно – до рудников в Сибири! Вас это не пугает, князь?

Мышецкий беспечно рассмеялся.

– Честно скажу: мне более по душе быть губернатором. Хотя, если говорить откровенно, то я… сторонник парламентарного правления!

– Я так и думал, – кивнул Кобзев. – Конституция – это сейчас очень модно… А мужик толкует о земле!

– Земля – народу, я согласен, – ответил Мышецкий, – и пусть будет так. Но власть – нам, свежим образованным силам. Нет, нет! Не подумайте, что я склонен признать компанию господ-погромщиков Богдановича и Дубровина. Ставку следует делать на таких людей, как тверские земцы Родичев и Петрункевич, как наши почтенные академисты Трубецкой и Ольденбург…

Вскоре, после одного, казалось бы незначительного, события, собеседования спутников приобрели определенную цель.

Однажды вышли они прогуляться перед вагоном в каком-то заштатном городке.

Вдруг послышался могучий бабий рев. Толстая, грязная бабища лет шестидесяти облапила и навалилась на двух тщедушных солдат, изнемогавших под бременем непосильной ноши. Раскисшие от водки, потные, все трое отчаянно рыдали перед разлукой.

Толпа в страхе шарахалась перед ними в стороны, а баба время от времени стукала солдат головами, чтобы они поцеловались, а потом, вывернув мокрые, жирные губы, сама подолгу обсасывала их поцелуями.

При этом она басовито причитала:

– И на кого же вы меня, соколики, спокидаете? Землячки вы мои приглядные! И на што ж это я вас кормила, поила, уся истратилась?.. Сколько винища-то вы у меня повылакали, сердешные! А тапереча, што же это и выходи-и-ит?..

Мышецкий и Кобзев пропустили мимо себя эту не совсем-то пикантную картинку русского житья-бытья, а близнецы фон Гувениусы в один голос сказали:

– Фуй-фуй…

– Но-но! – прикрикнул на них Мышецкий (в этот момент, перед этой мразью, он готов был защищать даже дремучее, как сыр-бор, русское пьянство).

Поздно вечером, докуривая последнюю папиросу, Мышецкий стоял в коридоре вагона.

А за окном пролетала тьма, пронизанная дрожащими огнями деревень, что навсегда затеряны в этом мраке. Вспыхивали, как волчьи глаза, костры на заснеженных пожнях. Придвинутые к самым рельсам, стояли могучие дебри и таинственно шевелили медвежьими лапами.

От этого жуткого мира, что глухой стеной стоял за окнами вагона, веяло чем-то беспробудно диким, ветхозаветным, издревле-языческим. Чудились во тьме частоколы славянских городищ, священные огни на плёсах, пение стрел на лесных опушках, перестуки мечей в отдаленных битвах.

И было как-то странно ощущать себя – в пенсне, с папиросой в зубах, вылощенного – причастным к этому загадочному миру.

«Россия, – печально, почти с надрывом, вздохнул Мышецкий. – Что-то еще будет с тобою?»

И вдруг неожиданно для себя вспомнил он толстую бабу и ее проспиртованный голос: «А таперича, што же это и выходи-и-ит?..»

Можно соглашаться или не соглашаться, но в этом возгласе было что-то трагическое.

3

Вот с этой бабы они и начали. На следующий день Кобзев спросил Мышецкого – между прочим:

– Знаете ли вы человека, который больше всех сделал на Руси для борьбы с пьянством и который…

– …также умер от пьянства? – засмеялся Мышецкий.

Кобзев посмотрел на него очень внимательно:

– Да, угадать не трудно. Он и умер от водки.

– Нет, простите, не знаю. Кто это?

– Иван Гаврилович Прыжов, – пояснил Кобзев, – автор очерков о «Кормчестве» и сочинитель почти подпольной книги «История кабаков на Руси»… Ныне эти книги забыты, но придет время, когда потомство перелистает их заново. Перелистает – и ужаснется!

– Отчего такая печальная судьба у этих книг?

– Не менее печальна и судьба автора: он умер в ссылке, одинокий и полный отчаяния… Я могу не оправдывать эту бабу, – добавил Кобзев, – но пьянство Прыжова я оправдываю. Ему больше ничего не оставалось, и он – пил! Такова жизнь.

Мышецкий неожиданно призадумался:

– Иван Степанович, у меня сейчас в голове возник любопытный вывод…

– Слушаю вас.

– Пьянство в стране усилилось, когда на мировом рынке наступило падение цен на зерновые товары… Так могло случиться? – спросил Мышецкий, не совсем доверяя себе.

– Вполне, – подтвердил Иван Степанович.

– Постойте, постойте, – соображал Мышецкий. – В этом кроется что-то новое для меня. Новое и весьма занятное…

На помощь ему пришел Иван Степанович.

– Нового тут ничего нет, – растолковал он. – Падение цен на зерно, как таковое, заставило наших помещиков выискивать для себя наиболее выгодный способ реализации своего урожая. Тогда они и стали перегонять зерно в спирт, что оказалось весьма доходно!

– Нет, – разволновался Сергей Яковлевич, – я так не могу. Это следует сразу же закрепить на бумаге…

Притеревшись один к другому в спорах, незаметно они перешли к написанию статьи на тему: спаивание русского народа правительством. Пьянство на Руси, как ни странно, зародилось в Московском Кремле – именно там цари учредили первый кабак, люто презираемый поначалу русскими людьми.

Государственный кабак – явление чисто иноземное, пришлое, внедренное в русскую жизнь путем насилия со стороны правительства. Потребовалось не одно столетие, чтобы вовлечь русского мужика в пучину пьянства…

Теперь, встречаясь по утрам, князь говорил:

– Итак, на чем же мы с вами остановились вчера?

Расставив ноги на тряском полу вагона, летящего в глухие просторы России, Мышецкий витийствовал:

– И вот я вас спрашиваю, дорогой коллега: при каких же обстоятельствах винная монополия может считаться явлением прогрессивным?

– Только при условии, – рассуждал Кобзев, – когда правительство, обеспечив себя колоссальной прибылью от продажи вина, отменит в стране все другие налоги!

– Но как же вы мыслите борьбу с контрабандным винокурением? – дискутировал Мышецкий.

– По принципу профессора Альглова, вино следует продавать в особых «фискальных» бутылках, которые можно опорожнить, но без помощи казенного завода никак нельзя заполнить…

Однажды Мышецкий вдруг резко залиберальничал.

– Странно! – сказал он. – Почему ныне царствующий император согласился стать в стране главным кабатчиком?

– Вот и название следующей главы. Пишите, – диктовал Иван Степанович: – «Возникновение монополии в России…»

«Очевидно, – писал Мышецкий, – помещика-винокура не могла удовлетворить система, при которой он зависел от сбыта вина в частные руки. Это грозило ему неприятными последствиями. На частного предпринимателя-перекупщика всегда труднее воздействовать, нежели на казенного…»

– И, таким образом, – заострял Кобзев, – класс помещиков мог только мечтать о введении монополии, ибо правительство (простите, князь, состоящее также из помещиков), естественно, пойдет на поводу самих же помещиков! Так ведь?

– Выходит, что так, – поддакнул Мышецкий.

– Очень хорошо, что вы согласились, – напористо продолжал Кобзев. – Тогда возникнет следующий вопрос: а кто же стоит во главе этого правительства?

Мышецкий не отвечал.

– Кто? – в упор переспросил Кобзев. – Вы рискнете, князь, написать лишь одно коротенькое слово, в котором сходятся все интересы и все прибыли нашего дворянства?

Он выжидающе смотрел на Мышецкого, и тот отбросил перо:

– Нет, Иван Степанович, вы преувеличиваете мою смелость.

– Конечно, – подхватил Кобзев, – нужно иметь очень большую смелость, чтобы разойтись во взглядах с интересами того класса, к которому принадлежишь сам… Впрочем, писать слово «царь» и не нужно. Наша действительность – еще со времен Сумарокова – уже приучена к аллегориям. Даже сидя по самую маковку в густопсовом раболепии, мы – русские – все равно будем козырять грациозными намеками на неудобство своего положения!

Сообща они завуалировали свою статью до такой степени, что никакая цензура не смогла бы придраться. Поставив точку, Сергей Яковлевич глубокомысленно заметил:

– Мы живем в удивительное время!

– Вот как?

– Да. Человек, желающий сказать что-либо, должен прежде выработать в себе талант фабулиста.

– Согласен, князь. Оттого-то, наверное, в России никогда и не устают зарождаться все новые таланты!..

Мышецкий остановился перед своим попутчиком, долго изучал его изможденное желтое лицо.

– Послушайте, – сказал он, – кто вы? Кого я везу с собою в губернию, которой я буду управлять?

Иван Степанович взял ладонь князя в свою руку – слабую, но покрытую мозолями и влажную, как у всех чахоточных.

– Вам, – ответил он со значением, – именно вам, Сергей Яковлевич, я никогда (слышите – никогда) не принесу вреда. Вы будете исполнять свой долг, как вы его понимаете, а я буду исполнять свой долг – тоже, как я его понимаю…

Прочным соединительным звеном между ними стала эта пьяная баба и статья о ней. Статья – в защиту ее! Но об этом речь впереди.

Статья о царе-кабатчике еще сыграет свою роль.

4

Что-то почерствело в пейзаже. Приникли деревья к земле, замелькали на пригорках рыжие суглинки. И опять бежали березовые куртины, сменяясь пнями и буераками безжалостных вырубок. Стыла под насыпью вода…

И вдруг – совсем неожиданно.

– Алиса! – позвал жену Сергей Яковлевич. – Да иди же сюда скорее… Смотри, вот сейчас опять покажется из-за холма.

И, важно задрав голову, выплыл на бугор голенастый рыжий верблюд и прошествовал куда-то в безбрежное отдаление.

Фон Гувениусы растерялись – они не думали, что их завезут в такую даль. С грустью вспоминали они свой курляндский коровник и теплые звезды, данные небесам за отличие.

Сергей Яковлевич возбужденно прогуливался по коридору вагона: руки назад, грудь колесом, взгляд победителя.

– Ну, скоро, – говорил он. – Теперь уже скоро!

Сана торопливо достирывала последние пеленки, иногда поругиваясь с Алисой; князь Мышецкий не вмешивался – женские дрязги его не касались.

– Сана, ты рада? – спрашивал он кормилицу.

– Ай, – отвечала та, – я и не знаю…

Поезд шел медленнее – с шуршанием оседала под рельсами сыпучая насыпь. Но земли попадались и сочные, жирные, не тронутые плугом, бездумно – на века! – загаженные гуртами кочевого скота.

Мышецкий выскакивал на коротких остановках из вагона, брал в горсть землю, мял ее в пальцах, потом долго вытирал ладони платком.

– Какая жалость, – говорил он, – что я ничего в этом не смыслю. Жаль, очень жаль…

Кобзев покупал на станциях кислый кумыс, пил его – жадно, с тоской во взоре. Думал о чем-то, подолгу сидя на ступеньках вагона. Мышецкому было тяжело смотреть на него, и Кобзев понял это.

– Не придавайте мне значения, – сказал он. – Я только ваш попутчик. И – ни больше того…

И вот настал день, когда поезд плавно пересек границу Уренской губернии. Такие же шпалы, такой же песок под насыпью, но это была уже его губерния! В самом радужном настроении Сергей Яковлевич поспешил выскочить из вагона на первом же полустанке…

Две грязные тощие свиньи копались у изгороди, на которой висели горшки и тряпки. Прутья акаций безжизненно шелестели за платформой. Старая баба возилась с поклажей, не в силах взвалить ее на плечи, а мужик с бельмом на глазу смотрел на нее и мрачно матерился.

– Это что за станция? – спросил Мышецкий.

– А хто ее знае, – ответил мужик.

– Помоги бабе!

– Бог с ней… – махнул мужик.

Баба наконец вскинула мешок и пошла вдоль насыпи, оттопырив тощий зад в латаной юбке. Поравнявшись с Мышецким, она остановилась и, ничего не говоря, протянула к нему худую загорелую руку.

– Ну на! – сказал князь.

Возле изгороди валялась какая-то рвань. Из этой рвани выползали греться на солнце белесые вши.

А рядом стоял мужик с большим куском колбасы в руке.

Стоял он и молчал.

– Ты куда едешь? – спросил его князь Мышецкий.

– Я-то?

– Да, ты.

– А никуда, – равнодушно зевнул мужик. – Мы здешние будем. Вот колбасу продам и домой погребу.

– А что это за рвань тут валяется?

– Эта, што ли? – Мужик ногой разворошил вшивое тряпье.

– Ну эта.

– Да туточки, барин, сторож от холеры проживает. Так оно и видать, что его одежонка-то!

– Как это «от холеры»? – не понял Сергей Яковлевич.

– А так… Он с чугунки холерных сымает и до бараку их тащит. Потому как указ вышел: чтобы на чугунке не давать дохнуть.

– Так при чем же здесь сторож?

– Сам живет от холеры и детей кормит. Он, барин, ладно устроился. Люди завидуют…

– А ты как? – намекнул Мышецкий.

– Бога-то гневить неча, – довольно ответил мужик. – Когда вот в бараке подработаю. А когда и колбаску продам.

– А что это за колбаса у тебя, братец?

– Да женка моя, – расцвел мужик, – горазд ловка колбасы пихать! Так и пихат, так и пихат!

– Чего же это она туда пихает?

– А шут ее знае… Скусна-ая!

– Наверное. – Князь посторонился.

– Не хошь ли, барин? Свеженинка!

– Спасибо, брат. Но я уже завтракал…

Мышецкий стал подниматься в вагон, где его поджидал Кобзев, издали наблюдавший за этой сценой.

– Ну, как? – спросил Иван Степанович с иронией.

– Да не знаю, что дальше будет. А пока… сами видите!

– То же самое будет и дальше, – утешил его Кобзев.

Поезд тронулся, и «холерный» мужик с куском колбасы величаво проплыл мимо зеркальных окон салон-вагона. Сергей Яковлевич немного приуныл, что заметила и Алиса.

– Serge, – сказала она, – сколько ты дал этой бедной женщине с мешком?

– Да откуда я знаю… Дал и дал!

– Это неправильно, Serge. Надо вести учет своим расходам. Ты не только губернатор, но и отец семейства!

– Дорогая, – ответил Мышецкий, – ты судишь в немецких масштабах. Не забывай, что мне управлять губернией, на которой смело разместятся четыре германские империи. Русские не богатеют, но и не банкротятся на копейках!

– Оттого-то русские и бедны, – выговорила Алиса.

Сергей Яковлевич посмотрел, как Сана разворачивает сына из пеленок, и с удовольствием похлопал ребенка по румяной попке:

– Ничего. Мы что-нибудь оставим и князю Афанасию…

В пейзаже уже угадывалась близость большого губернского города. Чаще стали встречаться селения, плоско вытянулись на горизонте солдатские казармы из самана, но особой живости на дорогах приметно не было.

Сана перед городом принарядилась, завила волосы, вышла в коридор с гитарой, украшенной бантами, глянула на голые земли:

– Мати моя! Ну и тощища же… Завезли, нечего сказать!

И затянула – низко, густо, под Вяльцеву:

Ах, зачем, поручик,
Сидишь под арестом,
Меня вспоминая,
Колодник бесшпажный?..

Верст за сорок от Уренска опустилась рука семафора, и по ступенькам вагона легко взбежал молодой самоуверенный чиновник в ладно пошитом вицмундире. Взмахнув ярко-зеленым портфелем, он расшаркался перед Мышецким:

– Имею честь представиться: чиновник особых поручений при сенаторе Мясоедове – Витольд Брониславович Пшездзецкий!

– Благодарю, что встретили. Чем обязан?

– Чины ревизии уже покинули губернию, остались только его превосходительство да я. И вот здесь, князь, Николай Алексеевич просит вас о свидании с ним…

Пшездзецкий протянул Сергею Яковлевичу пакет; на крупном бланке сенаторской ревизии было красиво округло начертано:

«Милостивый Государь мой, Князь!

По прибытии соизвольте явиться ко мне для служебного разговора, коего настоятельно требует необходимость. Не откладывайте с переодеванием. Я не щепетилен в вопросах формы. Имею быть и прочее.

Сенатор *Мясоедов*».

– Вы, наверное, долго ждали поезда? – сказал Сергей Яковлевич. – Не угодно ли перекусить?

В салоне Пшездзецкий вел себя как человек, хорошо поднаторевший в министерских передних, – уверенно, с легким апломбцем, явно радуясь присутствию Алисы Готлибовны:

– Вы не представляете, как я счастлив, что вы, наконец-то, появились в губернии. Теперь и мы с Николаем Алексеевичем вольны выбраться отсюда… О, рюмка кагору! Благодарю вас, мадам.

Мышецкий сидел почти раздавленный. Что за черт! Может, и впрямь не следовало забираться в эту дыру, если даже в столицах мало порядка? Люди – умны и хитры по своей природной сущности, а он перелистал свою жизнь по книгам, и в графы статистических отчетов не уложишь людской подлости, жадности и отчаяния.

Ему почему-то вспомнился Столыпин: «жиды» и «хлеб» – вот два пункта его помешательства. Он получил Гродненскую, теперь засел в Саратове – такому легко: глянет своими глазищами, бороду расправит и сразу – хвать человека за яблочки!..

– Что с хлебом? – мрачно спросил Мышецкий.

Сенатский чиновник его не понял:

– О каком хлебе вы говорите?

– Я говорю о хлебопашестве в губернии.

– А-а… Наверное, сеют! Без этого нельзя-с…

Все внимание Витольда Брониславовича отныне было устремлено в сторону кружевных плечиков Алисы Готлибовны:

– Здесь, мадам, неприменимо общегражданское право, как мы его привыкли понимать. В этом стоке нечистот вспыхивают, как искры, лишь отдельные святые личности. Например – предводитель дворянства Атрыганьев… Отрезанным от России ломтем лежит эта губерния на стыке двух миров – Европы и Азии. Но это – не Азия и тем более не Европа! Это, если угодно, мадам, только фановая труба, по которой Россия пропускает на восток грязную накипь нищеты, преступлений и…

– Позвольте, – сказал Мышецкий, берясь за графин.

Вагон вдруг рвануло, лязгнули двери, посыпалась посуда. За стенкой, дребезжа струнами, свалилась откуда-то гитара Саны. Мышецкий и чиновник ревизии опрометью кинулись в тамбур, распахнули тяжелые двери:

– Скорее, скорее… Что там?

Они стояли посреди степи, невдалеке от дорожного переезда. Надсадно пыхтел паровоз, а на путях мучительно умирала костлявая кобыленка с разодранным пахом. Свежей щепой топорщилась разбитая телега, валялся под насыпью крестьянский скарб.

Тут же стояли мужик с бабой и трое детишек, посиневших от страха, – чудом они успели соскочить с телеги перед самым локомотивом.

– Местные? – спросил Мышецкий.

– Переселенцы, – ответил Пшездзецкий. – Чающие обрести обетованную землю… Таких здесь много!

Оказывается, лошадь на перевозе не могла сдвинуть телеги, застрявшей колесами на рельсе, а машинист не успел затормозить. От пережитого волнения у него шла носом кровь, он сильно ругался:

– Думал – съедут! Я весь песок под себя ссыпал… Да где тут? Смотрите: разве же это лошадь? Ей и тачки не увезти… Как она тащилась у них? А на мне грех – животную загубил…

Пшездзецкий вытащил из кармана браунинг. Вложил его в ухо лошади. Отчетливо прозвучал выстрел.

И заревели тогда детишки, заголосила баба:

– Ой, лихо мое! Ой, ридниньки!

Мужик – тот напротив; смотрел, закаменевший в своем горе, пусто и слепо. Смотрел прямо перед собой – в степную даль, где дымилась еще ни разу не плодоносившая земля…

Сергей Яковлевич сунул ему в кулак червонец, но мужик даже не пошевелился.

– Откуда вы? – спросил Мышецкий.

– Черниговские…

– Это с богатых-то земель? – удивился князь.

– Божья воля, барин… Хлебушка совсем не стало!

Кое-как собрали разбросанное под насыпью жалкое барахло. Рассадили переселенцев в тамбуре, чтобы довезти их до города. Мышецкий протянул бабе помятый самовар:

– Держи, чай пить будешь в Сибири – меня вспомнишь…

Было что-то очень печальное во всей этой истории. Сергей Яковлевич в возбуждении раскурил папиросу. Пшездзецкий сказал ему предупреждающе:

– Остерегайтесь переселенцев. Эта саранча облюбовала для продвижения себе как раз просторы Уренской губернии и выжирает вокруг себя все живое… А после них – запустение, холера, умножение нищеты, рвань!

– Это же люди, – слабо отозвался Мышецкий. – Они говорят на языке, на котором говорю и я… Русский мужик так устроен, что всегда мечтает найти свое Эльдорадо!

Близнецы фон Гувениусы, уже в котелках и с тросточками, появились в коридоре, сразу завоняв его дешевым фиксатуаром.

– А кто эти молодые люди? – насторожился Пшездзецкий.

Сергей Яковлевич стыдливо признался:

– Это родственники моей жены. Курляндские дворяне. Окончили Юрьевский университет… Поверьте: никаких синекур для них я подыскивать в Уренске не буду.

– Хорошо, – сказал Пшездзецкий. – А вот и город… Вот мы и в Уренске!

И сразу полетела за окном вагона, краснея битым кирпичом, глухая острожная стена, и только щелкали и щелкали стрелки…

Города так никто и не увидел.

5

– Его превосходительство готовы принять вас.

– Благодарю, Витольд Брониславович.

Мышецкий одернул сюртук, раздвинул жиденькие портьеры:

– Вице-губернатор, надворный советник… Рад представиться вашему превосходительству!

– Приехали? Садитесь, князь…

Сенатор Мясоедов стоял посреди комнаты, наклонив голову и расставив ноги на вытертом ковре, давно потерявшем очертания узора. Это был пожилой человек: острый взгляд, лицо без улыбки, широкий, энергичный жест.

Мышецкий заметил торчащие из-под стола старческие гамаши, скинутые в последнюю минуту, и раскрытый рояль с разложенными на нем нотами. В углу перед иконой трепетно вздрагивал огонек лампадки…

– Благодарю вас, – он опустился в кресло.

Мясоедов, садясь напротив, протянул руку и свел жесткие пальцы на колене Мышецкого – это был дружеский жест приязни и одобрения.

– Ну, князь, – начал сенатор, – я не думал, что вы так еще молоды. И это очень хорошо, ибо стариков здесь не нужно… Витольд Брониславович, – окликнул он, не вставая, – распорядитесь насчет чаю!

Они пили чай и беседовали.

– Я вынужден был прожить здесь анахоретом, – рассказал Мясоедов. – Принимать людей почти невозможно, ибо любой неосторожный шаг в Петербурге могут истолковать как проявление излишнего либерализма. К тому же существует опасность – нарваться на предложение взятки – Но вас я дожидался специально, чтобы поставить в известность относительно некоторых обстоятельств!

– Я вас слушаю, Николай Алексеевич…

– Законность и правосудие, – продолжал старый сенатор, – находятся здесь лишь в зачаточном состоянии. Что же касается аборигенов, населяющих южные просторы края, то у них вовсе отсутствует правовое начало и суд вершится по дикому степному произволу. Детей

отдают в рабство, женщин – на растление. Здешние публичные дома наполнены киргизками и калмычками…

– Каково же спасение? – спросил Мышецкий.

– Я тоже думал об этом… Но, понимаете, князь, выдвижение разумной законности снизу нежелательно, а сверху – ошибочно. Какой-то заколдованный круг! Однако вам предстоит очень многое взять на свою ответственность и рассудить самолично, как вы сочтете нужным…

– Простите, – перебил его Сергей Яковлевич. – Я думаю, что юридическая объемность моих прав, как начальника, будет в этом краю гораздо больше, нежели в европейских губерниях, где законность лучше налажена?

– Пожалуй, что – да!

– Но, в таком случае, поддержит ли Петербург мои начинания – при условии, что я буду стремиться исключительно к благим мерам?

Мясоедов покряхтел, взъерошил мохнатые брови.

– Несомненно! – заявил он. – Ревизия, проведенная мною, уже достаточно вскрыла ту мерзость и запустение, каковые обнаружились в Уренской губернии. Доклад у меня готов, и, надеюсь, он произведет нужное действие… Я не берусь отвечать за ваше министерство, но сенат, мне думается, согласится развязать вам руки в благих начинаниях!

– Очень хорошо, – улыбнулся Мышецкий, порозовев.

Мясоедов раскрыл портфель, долго копался в его недрах, наполовину заполненных нотными листами.

– У меня заготовлен для вас один брульон, – сказал он. – Так лишь, скороспелые наметки… Перечень людей, виновность которых ревизией не обоснована, но она – предположительна! То, что плевелы надлежит выдирать с корнем, этому, князь, вас учить не нужно. Вы и сами знаете…

Сергей Яковлевич кивнул и спросил откровенно:

– Позволено ли будет мне применить по отношению явно непригодных чиновников статью восемьсот тридцать восьмую? Параграф статьи третий!

Мясоедов встал и, подойдя к иконе, поправил пляшущий огонек лампадки. Заодно и бормотнул молитву. Вернулся обратно к столу, сел.

– Я не сторонник «третьего пункта»[1], – высказался он. – Ибо в нем кроется оправдание самодурства. Но… положение в губернии исключительное, и либеральничать не советую. Действуйте без колебаний!

– Николай Алексеевич, – предупредил его Мышецкий, – не подскажете ли вы, на кого я могу опереться в губернии?

Сенатор бросил портфель на стол, крепко сомкнул бледные пальцы с раздутыми венами. Помолчал, соображая.

– Пожалуй, – начал он, – пожалуй… такого человека вы не найдете!

Мышецкий так и отшатнулся:

– Но это же невозможно! Плевелы растут среди злаков, но никогда злаки не растут среди плевел… И я не желаю сошествовать на эту губернию с небес, аки Иисус Христос, дабы только рассудить и покарать. Люди должны быть честные, добропорядочные, умные!

– Вы еще молоды, князь, – заметил Мясоедов с грустью.

– А что – губернатор? Я слышал…

– От кого? – сразу поставил вопрос сенатор.

Об императоре Сергей Яковлевич умолчал и ответил:

– Но ваш чиновник особых поручений Пшездзецкий…

---

[1] Так называемый «третий пункт» – пункт устава чиновной службы, по которому начальник мог уволить подчиненного без объяснения причин его отставки. – *Здесь и далее прим. автора.*

– Пустое! – отмахнулся сенатор небрежно. – Впрочем, вы и сами его увидите… Влахопулова вам следует повидать сразу же, чтобы сомнений у вас не оставалось!..

Когда Мышецкий откланялся, сенатор задержал его.

– Последнее, – сказал он, – и едва ли не самое главное! Через вашу губернию пройдет волна переселенцев. Это несчастные люди. Правительство пыталось помочь им, но еще больше запутало дело… Скоро весна, и переселенцы любят это время. Уренск для них вроде перевалочной базы: здесь они тратят последние деньги и, не в силах двигаться далее, здесь же оседают, чтобы пополнить собою погосты.

– Что же вы предложите, ваше превосходительство?

– На этот раз ничего: выкручивайтесь как знаете. На благотворительность не рассчитывайте. Уренские толстосумы строят церкви, но нищему куска хлеба не подадут… Ну, ладно!

Сенатор привлек Мышецкого к себе, поцеловал в лоб и перекрестил его широким жестом:

– Идите! Да воздается вам…

Сергей Яковлевич появился на крыльце гостиницы, и к нему сразу же подскочил юркий человечек неопределенного возраста и чина, умудрявшийся ступать по грязи, не пачкая ботинок.

– Титулярный советник, – назвал он себя, – Осип Донатович Паскаль… по инспекции губернского продовольствия!

Мышецкий медленно натягивал перчатку.

– К чему вы сообщаете мне это? – спросил он.

Паскаль смотрел на князя снизу вверх, как собака на хозяина, но взгляд его уверенно требовал хозяйской ласки.

– Осмеливаюсь, ваше сиятельство, поздравить по случаю благополучного прибытия!

– Благодарю, – ответил Мышецкий и шагнул мимо чиновника, прямо в липкую губернскую грязь.

Глава третья

1

На минутку он все-таки заскочил в отведенный ему дом, и поначалу даже испугался: особняк был наполнен одними пожарными – черные, хрустящие и усатые, как тараканы, они бестолково кружили вокруг дома, кишели в саду, взлетали по лестницам, ощупывая один другого усами, и снова разбегались.

– Сана! – крикнул Мышецкий. – Что здесь происходит?

– А ничего, Сергей Яковлевич… Ни одна собака даже не встретила. Тоже называется – вице-губернатор! Вот одни пожарные помочь догадались…

Мышецкий быстро облачился по форме, отыскал брандмайора, чтобы поблагодарить. Заодно спросил – часто ли бывают в Уренске пожары.

– Легко горит, – успокоил его брандмайор. – Ежели от Петуховки займется, так, почитай, в час пусто будет. На две тыщи домов – семьдесят три каменных… Сыпанет – как порохом!

Мимоходом князь обратил внимание на худобу лошадей, впряженных в пожарные колесницы. И тоже указал на это.

– Да что поделаешь! – оправдывался брандмайор. – Пашистые все, мосластые, не в корм идут… Я уж их и отрубями, и болтушкой мучной, даже морковою пробовал. Не берут в тело!

– А вы их – овсом, овсом! – посоветовал Мышецкий и прыгнул в коляску, уже поджидавшую его…

Город поначалу не произвел никакого впечатления, Сергей Яковлевич даже не разглядел его «лица» – все делалось сейчас второпях, наскоком. Заметил только, что на улицах множество будок «холодных» сапожников. Спросил возницу – отчего так?

– Да вить мостовые-то, барин, худы больно. Вот и рвет народец обувку…

Вывернули на Дворянскую – главную улицу в городе. Рыжая свинья терлась об афишную тумбу, из кабаков выскакивали, пробегая под самыми мордами лошадей, подозрительные оборванцы; в подвальных окнах буйно зацветали герани.

– А вот и суд, – перекрестился кучер, – сохрани нас, господи, и помилуй…

Мышецкий обернулся и успел только прочесть вывеску:

РЕНСКОВЫЙ СПРОДАЖА НА И ВЫНОС

– Стой! – крикнул он. – Какой же это суд?

Не поленился вылезти из коляски, вернулся обратно, еще раз прочел вывеску. Толкнул хлюпкие двери.

Да, по всему видать, здесь размещалось судебное присутствие. Сергей Яковлевич потерся среди каких-то мужиков и баб с «гумагами», вошел в одну из комнат.

– Это суд? – спросил он.

За столом сидел плюгавый чинуша с плотоядно отвисшей губой. Перед ним стояла тарелка, полная вареных яиц.

– Да, сударь, – отвечал чинуша, присаливая сверху яичко.

– А где же вывеска? Я думал – кабак…

– Нет. Питейная напротив. А вывеску ветром сорвало. По весне ветры страсть как со степи дуют.

Мышецкий не стал входить в долгие объяснения и оставил чиновника в полном недоумении. После написания статьи о винной монополии, конечно, не отказал себе в удовольствии

заглянуть и в кабак. Кисло шибануло сивухой в нос князю, стряпуха, выметая мусор, свистнула его голиком по ногам.

– Ректификация местная? – спросил Мышецкий.

Кабатчик стоял за прилавком, поправляя на щеке черную повязку, какими любят щеголять отставные унтер-офицеры; не поймешь – то ли зубы болят, то ли по морде получил.

– Нашенская, – бодро откликнулся он. – Пятьдесят восемь градусов, без обману! Шестое ведро пошло севодни-с…

В углу спал, раскинув босые пятки, какой-то бродяга, прижимая к животу дворянскую фуражку с красным околышем. Здесь же бродил, стуча копытами по половицам, страшный, ободранный козел с мутными, заплывшими гноем глазами.

– А это еще что? – удивился Сергей Яковлевич.

– Дрессирован, ваш-скородь. Ежели позабавиться желаете, купите «полсобаки» ему – враз выжрет и не закусит!

Мышецкий пожал плечами:

– Хозяин-то есть у козла?

– Был, да отказался. Очень уж они пить стали, – с уважением произнес кабатчик. – Никакого сладу… Совсем уже «замонополились»!

Козел подошел к вице-губернатору и боднул его сзади обломанным рогом. Мышецкий невольно подскочил, а кабатчик загоготал, довольный:

– Составьте ему компанию, ваш-скородь. Господа его понарошку поят, штобы забаву иметь… Тоже вот – животная, а, видать, башка-то трещит с похмелья! В баньку бы его сводить!

В спину уходящего Мышецкого гнусаво заблеял козел.

– Дальше! – велел Сергей Яковлевич. – Поехали…

Дом губернатора, где жил Влахопулов, находился на самой окраине, – подальше от грязи, поближе к зелени. Под обрывом стыла затянутая льдом речонка. Охраны вокруг никакой не было, и Мышецкий долго барабанил в калитку, пока не открыли.

Открыли же ему две развязные дамы в одинаковых шубках, очевидно гулявшие в неказистом садике, разбитом перед особняком. Возле ног их вилась остроносая собачонка, очень похожая на одну из этих дам. Сергей Яковлевич счел нужным назвать себя. И сразу пожалел об этом, ибо едва отбился от дамской назойливости.

Влахопулов встретил нового вице-губернатора по-домашнему. Симон Гераклович ходил по застекленной веранде, одетый в неряшливый халат, и на отставленном в сторону пальце «прогуливал» зеленого попугайчика, чистившего свой клюв об губернаторский ноготь.

Завидев Мышецкого, Влахопулов воскликнул:

– О! Да мы же с вами знакомы, голубчик…

Сергей Яковлевич видел его впервые и потому ответил:

– Извините, Симон Гераклович, но я не имел чести знать вас ранее.

– Да что вы мне говорите! – обиделся Влахопулов. – Я же хорошо помню, что мы встречались.

Мышецкий еще раз оглядел губернатора: над томпаковой лысиной вился легкий пух, нос вздернутый, а взгляд – вялый, залитый какой-то мутью (вчера, видно, было пито, и как еще пито – не приведи, господи!).

– Не припомню, Симон Гераклович, – повторил Мышецкий.

– Ну вот! – фыркнул Влахопулов. – Нехорошо забывать старых знакомцев…

Сергей Яковлевич решил уступить – только бы отвязаться.

– А-а, – сказал он, – постойте-ка… Вот теперь, кажется, припоминаю. Вы правы: мы с вами где-то встречались!

– А помните Матильду Экзарховну? – просиял Влахопулов.

Мышецкий возмущенно раскинул руки:

– Разве можно забыть эту женщину?

– Огонь! – поддакнул Симон Гераклович.

Ну, теперь можно было переходить к делу, и Мышецкий сразу же начал ковать железо:

– Итак, дорогой Симон Гераклович, я счел своим непременным долгом нанести вам первый визит, чтобы уяснить для себя и сразу же…

– Не-не-не! – заторопился Влахопулов. – Никаких дел на сегодня… Сейчас мы с вами позавтракаем, у меня есть икорка, вчера мне балычок из Астрахани прислали. А шампанское, знаете, какое? «Мум», батенька. Самое удобное винцо: когда язык лыка не вяжет, промычишь только – «м-м-м», и тебе сразу над ухом – хлоп пробочкой!

Мышецкого это не устраивало:

– Благодарю, Симон Гераклович, но я выдерживаю строгую диету… Кстати, каковы были причины, заставившие моего предшественника покончить жизнь самоубийством?

Влахопулов долго таскал что-то пальцами изо рта – тончайше-невидимое, – надо полагать, волос ему на язык попался.

– Слишком истратился покойник, – густо причмокнул он. – Есть тут одна дама в Уренске… по должности своей – «подруга вице-губернатора». Так вот, доложу я вам, не чета даже Матильде Экзарховне… Ну и, конечно, где огонь – там без дыма не бывает!

Мышецкий никак не мог вклиниться в речь Влахопулова, чтобы вывести разговор на нужные темы.

– Но вот сенатор Мясоедов… – начал он.

– Уехал? – перебил его Влахопулов.

– Да, отбывает.

Симон Гераклович, не снимая попугайчика с пальца, начал креститься.

– Ну и слава богу, – вздохнул облегченно. – Кляузный генералишко… А ревизия его – ни одного приличного человека…

– Теперь относительно переселенцев, – снова начал Сергей Яковлевич. – С ними вопрос представляется мне…

– Я перед ними, – резко сказал Влахопулов, – все заставы перекрою. Гнать буду по степи нагайками… Пусть через губернию под землей, как червяки, проползают! Вот они где у меня, голубчики! – И губернатор похлопал себя по затылку, собранному в трехрядку.

Мышецкий призадумался: там, в «Монплезире», об этом человеке с попугаем на пальце очень хорошо отзывался сам император, назвавший его своим старым слугой.

И, вспомнив об этом, Сергей Яковлевич осторожно капнул елеем на томпаковую лысину своего начальника.

– Знаете, – подольстивил он учтиво, – его императорское величество изволил отзываться о вас в наилучших выражениях!

И вдруг услышал в ответ самодовольное:

– Еще бы! Мы ведь с его батюшкой покойным за одним столом сиживали. Худо-бедно, а я, Черевин да его величество однажды вот как сели с вечера, ящик поставили и… Потом еще в Лугу поехали, медведя из берлоги подняли!

Симон Гераклович замолчал и вдруг выпалил:

– Вы, князь, можете заниматься в губернии чем угодно – не вмешивайте только меня! Я уже половину своих вещей в Петербург отправил…

– Что же так? – удивился Мышецкий.

– Да вот жду… Пора уже и на покой – в сенат. Еще в прошлом году, думал, получу назначение, ан не вышло: какого-то масона, заместо меня, на сенат подсадили!

Сергей Яковлевич передохнул, словно сбросил мешок:

– Я буду очень рад за вас, Симон Гераклович… Конечно, в сенате вы сможете быть полезным более!

– Скоро, – размечтался Влахопулов, – скоро оставлю вас здесь. Разбирайтесь уж сами, как знаете. А потому и не спешите с делами – еще как надоест-то, батенька! Снимайте-ка лучше шпагу да пойдемте к столу. Наверное, уже накрыли…

Рассыпая обещания и благодарности, Сергей Яковлевич с трудом отбился от завтрака и от любезности сомнительных дам, все еще гулявших в саду с собачонкой.

На прощание Мышецкий сказал губернатору:

– Симон Гераклович, я не желал бы служить при том составе чиновников, какой существует ныне в губернии. Как вы отнесетесь к тому, что я широко применю к большинству служащих «третий пункт»?

Влахопулов одобрительно закивал, попугай закивал тоже.

– И разгоняйте! – сказал губернатор. – У меня сердце мягкое, я не мог этого сделать. Умываю руки заранее… Они мне, эти запятые проклятые, знаете, сколько крови испортили?..

Мышецкий откланялся.

Запахнув крылатку, чтобы скрыть блеск мундира, он поудобнее уселся в коляске и смахнул испарину.

– В присутствие, – наказал он кучеру.

Разговор с сановным Мясоедовым, обещавшим поддержку сената, а теперь встреча с этим «попугаем», открыто отпихнувшимся от дел губернии, сразу же укрепили в Мышецком уверенность.

«Господи, – взмолился он, – только бы сенат поскорее забрал Влахопулова под свое зерцало!..»

В губернском правлении, естественно, уже знали о прибытии нового вице-начальника. Сергей Яковлевич наспех посетил свой кабинет, провел пальцем по краю стола, оглядел мутные голые стены. Ни карты, ни картинки – будто казарма.

Секретарь канцелярии Огурцов, весьма потасканный чинуша лет пятидесяти, мигая красными, как у кролика, глазками, молча наблюдал за новым вице-губернатором.

– Вы женаты? – спросил его Мышецкий.

– Внуки уже, ваше сиятельство.

– Тем более, – подчеркнул Мышецкий. – Стыдно являться на службу в таком затрапезе… Чем у вас раздуты карманы?

Огурцов, не прекословя, вытащил из кармана громадную луковицу. Положил ее перед князем.

– А что вы качаетесь? – присмотрелся к нему Мышецкий.

– Походка такая… с детства, ваше сиятельство, – ответил Огурцов почтительно.

Из-за дверей парадного зала уже доносился чей-то голос, возвещавший о его прибытии:

– Камер-юнкер двора его императорского величества, вице-губернатор, его сиятельство князь Мышецкий!

Не скинув крылатки, он быстро направился к дверям.

– Я заехал сюда, – выговорил князь Огурцову, – чтобы предупредить: ни один чиновник не смеет покинуть управы, пока я не объеду губернские учреждения… Передайте им мою волю и отключите телефон! Что же касается просителей, которых я видел у подъезда, то мне сегодня не до прошений!..

На улице коляску его догнал чернявый офицер. Запыхавшись, вскочил без приглашения на подножку.

– Полицмейстер, – назвал он себя. – Чиколини Бруно Иванович… Счастлив быть в вашем распоряжении!

– Не нужно, – ответил Мышецкий, и полицмейстер спрыгнул с подножки в грязищу мостовой, уныло поплелся на мостки тротуара.

Однако у первого же полицейского участка Сергей Яковлевич остановился и поманил к себе вислоухого писаря, шагавшего куда-то в новеньких галошах поверх валенок.

– Вы служите в этом участке?

– Непременно, – откликнулся парень.

– И местный уроженец?

– Сызмала при сем городе состою.

– Тогда садитесь. Будете сопровождать…

Уселись они рядком, взмахнул кучер плетью:

– И-эх, зале-етныя… грра-абят!

И на Уренскую губернию, доживавшую последние часы в счастливом покое неведения, вдруг обрушился оглушительный смерч.

2

Первый удар был нанесен по богоугодным заведениям: ненависть к этому миру крохоборства и ханжества Мышецкий вынес еще со скамьи училища правоведения, справедливо считая, что призрение вдов, сирот, калек и убогих – дело казенное и серьезное, а не частное и копеечное.

– Что вы знаете о доме для сирот? – спросил Мышецкий.

– А там… сироты, – мудро ответил случайный попутчик.

– Я не об этом… В основном – чьи это сироты?

– А «самоходы» оставляют – переселенцы. Сами-то мрут, а мелюзгу ейную, чтоб не попрошайничали, значица, одна барыня собирает. Знатная барыня!..

Проезжая мимо ночлежки («Ночлежный дом г-на советника коммерции Иконникова»), князь Мышецкий велел остановиться, решил заглянуть и сюда. В тесной каморке смотритель со своей бабой, украшенные оба симметричными синяками, миролюбиво дули чаек с блюдец, расписанных пышными розами. Со стены грозно взирал на супругов боевой генерал Кауфман, покоритель азиатов, и махал длинной сабелькой.

– Не знаю я, не знаю, – заговорил смотритель, ошалевший от появления князя. – И ничего-то мы здесь не знаем… Вот хозяин придет, тогда уж…

На дворе ночлежки кисли лужи застоявшейся мочи. Вдоль забора, посеянные грядками, вспухали под солнцем зловонные экскременты, и над ними кружили первые зеленые мухи.

– Г…? – показал Мышецкий рукою в перчатке.

– Не знаю я, ничего-то не знаю… Дело хозяйское!

Сергей Яковлевич заглянул в помещение ночлежки. Высились ряды неоструганных нар, задернутых ситцевыми занавесками. По углам валялось тряпье и рвань, разило клоповником. Стены были расписаны похабщиной.

– Как хозяин, – бубнил смотритель, – от его попечений… А я не знаю, и не велено знать!

Покидая ночлежку, Мышецкий прочел у дверей объявление: «За одну ночь – пять копеек». Он быстро прикинул количество мест на нарах, надбавил на тесноту, свойственную русскому человеку, и в уме сложилась немалая сумма.

– Я, – сказал он, – мог бы и не служить более, имей я только такую ночлежку!

– Не знаю я, ослобоните, ваше сиятельство…

Из разговора с полицейским писарем Сергей Яковлевич выяснил, что Иконников, владелец чайной фирмы, ведет торг через Кяхту, имеет одного сына, который отправлен учиться за границу.

«Я его придавлю, – решил Мышецкий, – сам убежит за границу…»

Коляска остановилась перед домом сирот. Мышецкий стремительно вошел в переднюю, зацепившись за двери шпагой. Какие-то приживалки в сером, как мыши, с писком шарахнулись от него по своим насиженным норам.

Князь повернулся туда, сюда – ни души, пустые коридоры, только откуда-то снизу, словно из преисподни, доносился неровный гул.

С трудом отыскал кабинет начальницы. Плоскогрудая, очень высокая дама, в длинной шелковой юбке и белой блузке, встретила его под громадным портретом герцога Петра Ольденбургского – покровителя всех сирых и несчастных.

Полное имя этой почтенной дамы звучало несколько опасно для русского языка:

– Бенигна Бернгардовна Людинскгаузен фон Шульц!

С тактом женщины, бывавшей в свете, она выразила свою радость по поводу нанесенного ей визита, но князь Мышецкий, терпеливо выстояв под этим ливнем ее любезности, вдруг огорошил начальницу вопросом:

– Скажите, Бенигна Бернгардовна, как дети умудряются выговаривать ваше имя?

– О! – не смутилась дама. – Это очень просто: мы не сажаем вновь поступившего ребенка за стол, пока он не разучит правила поведения и… мое имя, князь!

– Я бы посоветовал вам, госпожа Людинскгаузен, все-таки сменить ваше имя и отчество на более удобопроизносимые.

– Вы изволите шутить, князь?

– Отнюдь… Я вам заявляю серьезно: изберите для себя хотя бы педагогический псевдоним… Где сейчас находятся дети? Чем занимаются? Покажите мне списки детей, выбывших из приюта за последнее время…

Начальница сиротского дома подчеркнуто-вежливо предъявила ему тетрадку, в которой – с немецким педантизмом – было точно указано, кто и когда забрал ребенка из приюта. Оказалось, что в Уренске было немало заботливых тетенек и дяденек, которые частенько забирали детей из приюта; назывались эти добряки по-разному: корь, дизентерия, скарлатина.

– Так, – сказал Мышецкий, закрывая тетрадку. – Я вижу, что мне, вступая в должность, следует сразу же начать с расширения погоста.

– Не говорите мне так, – скуксилась дама. – Я сама ошень страдала…

– Страдать мало, надо как-то бороться… Впрочем, – поднялся Мышецкий, – что я вам говорю прописные истины? Вы и сами знаете: дети – самая живая связь между людьми. Уберите детей – и человечество распадется!

Он замолчал и навострил ухо, прислушиваясь:

– Что это за странный гул все время снизу?

Бенигна Бернгардовна пояснила, что дети организованным строем отправляются сейчас на обед в столовое помещение. Зажав треуголку под локтем (он был в парадном), Мышецкий предложил начальнице провести его в столовую.

– С удовольствием, князь. Сиротки будут так рады!..

Что-то не заметил Сергей Яковлевич на лицах детей особой радости, когда они его увидели. За длинными столами, безликие и одинаковые, как солдатики, стояли они в ожидании команды. Надзиратель с замашками фельдфебеля (рожа – как бурак, кровь с алкоголем) хрипло командовал:

– Садись!.. Отставить… Кто там за хлеб хватат? Неча, дождись, пока я скажу… Все твое будет – сожрать успеешь!

Госпожа Людинскгаузен выжидающе наблюдала за Мышецким.

– Они такие потешные, – сказала она. – Особенно малыши.

– Охотно верю вам, – согласился Сергей Яковлевич. – Им как раз и место в казарме…

Он заметил, что один стол был пуст, – куски хлеба на нем были урезаны вполовину доли. От этих мисок, выровненных по линейке в длину стола, от гнутых ложек веяло чем-то печальным, и князь Мышецкий невольно насторожился.

– А кто обедает за э т и м столом? – спросил он, и призмы его пенсне вдруг сошлись на лице госпожи Людинскгаузен.

– О, – завертелась та, как червяк под каблуком, – здесь стол… тут дети обедают после других!

– Что это значит?

Почтенная дама кинулась искать спасения во французском языке, но от волнения сама не заметила, как перескочила на немецкий. Князь не принял его, повторив свой вопрос на чисто русском. Тогда, из вежливости, она поддержала его на великом языке Пушкина и Толстого, но вице-губернатор вдруг припер ее к стенке словами:

– Без працы не бенды кололацы… Ведите меня!

И она засеменила с ним рядом, шелестя юбкой, стараясь пробиться через стекла пенсне – к глазам его, смотревшим в глубину коридора жестко и сурово.

– Князь, я вас не поняла… Что вы сказали, князь?

– Где эти дети?

Она была вынуждена довести его до конца коридора, где на дверях висела весьма красноречивая картинка: ночной горшок, над которым парила в пространстве величавая розга.

– Вы неплохо рисуете, мадам, – съязвил Мышецкий.

– Как умею… Вы все шутите, князь!

Сергей Яковлевич толкнул дверь, и в нос ему двинуло непрошибаемым ароматом аммиака. В полутемках жались к кроватям отверженные дети. Мышецкий приподнял одеяло на одной из коек: так и есть, он угадал – голые железные прутья, для приличия покрытые дранинкой, и повсюду этот… запах.

Его даже мутило. Он повернулся к начальнице.

– Сударыня, – вежливо произнес Мышецкий, – а вы никогда не мочились под себя в самую счастливую пору своей жизни?

Лицо начальницы пошло багровыми пятнами, нос ее заострился, и только сейчас Мышецкий понял, какой страшной мегерой может быть эта дама в злости.

– Это ужасно… О чем вы говорите, князь?

– А я вот был грешен. Как и эти несчастные дети…

Он вдруг нагнулся и цепко схватил заверещавшую от испуга девочку лет пяти-шести. Задрал ей платьице – конечно, штанишек на ней не было. А бледная попка ребенка была вся прострочена розгами.

Этого было достаточно.

– Смотрите! – кричал Мышецкий, уже не выбирая выражений. – Как вам не стыдно?.. Это же задница будущей жены, будущей матери… Детей надо лечить, не лениться будить их по ночам, а не драть их, как штрафованных солдат!

– Как вы смеете? – вспыхнула начальница, оскорбленная.

Мышецкий опустил девочку на пол.

– Я смею, – сказал он, переходя на французский. – Вам нельзя доверить даже собаки. Кто поручил вам воспитание детей?

– Вы спрашиваете меня?

– Именно вас, сударыня…

Она выскочила в коридор, часто засыпала именами:

– Я тридцать лет прослужила в Гатчинском сиротском институте… Великая княгиня Евгения Максимовна – перстень с бриллиантом за непорочную службу… Его высочество принц Ольденбургский – золотая табакерка с алмазом!

Начальница задыхалась от унижения, но Мышецкий осадил ее властным окриком:

– Перестаньте рассыпать передо мной свои туалетные драгоценности! Я знаю этих людей не хуже вас… И я сегодня же буду телеграфировать в четвертое отделение собственной его величества канцелярии, чтобы отныне вас и на пушечный выстрел не подпускали к детским учреждениям!

– Ах! – сказала Бенигна Бернгардовна, уже готовая к обмороку. – Ах, ах… как жестоки вы!

– Прекратите юродствовать, – безжалостно добил ее Мышецкий. – И будет лучше для вас, если вы покинете губернию, вверенную моему попечению…

Он вернулся в коляску – его трясло от бешенства.

– Погоняй! – крикнул он. – В тюрьму…

3

Смотритель тюрьмы капитан Шестаков, старый вояка с медалью за сидение на Шипке, встретил Мышецкого в острожных воротах. И ворота были предусмотрительно открыты, и медаль начищена.

– Скажите, капитан, вас предупредил о моем прибытии полицмейстер Чиколини… Так ведь?

– Точно так, – не стал врать смотритель.

– Ну, и вы, – продолжал Мышецкий, – конечно же, успели все приготовить как нельзя лучше?

Старый служака подтянул шашку, поскреб в затылке.

– Эх, ваше сиятельство, – сказал он с упреком, – сколько ни меси грязь, а она все едино грязью и будет. Чего уж там! Смотри себе как есть. Все равно пропадать…

На тюремном дворе, огражденном частоколом из заостренных кверху бревен, Мышецкого оглушил разноязыкий гам. Тюрьма оказалась (по примеру восьмидесятых годов) «открытого типа». В пределах частокола раскинулся шумливый майдан. Прямо на булыжниках двора грязные, обтерханные бабы варили щи и кашу. Повсюду сновали дети и подростки, а навьюченные тряпьем арестанты-барахольщики звонко предлагали свой товар:

– Купить… сменить… продать!

Отовсюду неслись многоголосые завывания; преобладала гортанная (с «заединой») речь восточных «чилявэков»:

– Хады на мой лявкам. Бэры тавар завсэм дарам!..

Шестаков нагнал вице-губернатора, подсказал сбоку:

– А вот там, ваше сиятельство, галантерейный ряд. Чего и в городе нет – так здесь, пожалуй, все купишь…

– Ну ладно, капитан. Проведите по камерам.

Из душных клеток, в которых сидели подследственные, неслись надорванные сиплые голоса:

– Господин, господин, на минуточку!

– Эй, барин, не оставь в милости…

– Тепляков убил, Тепляков, а меня-то за што?

– Красавчик, золотко, угости папироской…

– Когда прокурор приедет, сволочи?

– Сударь, а сударь! Вы же интеллигентный человек…

Мышецкий подошел к одному старику:

– Давно сидите, отец?

– С осени самой, мил-человек, как замкнули здесь.

– За что вас?

– Не знаю, голубь.

– Но судить-то вас за что хотят?

– Слово какое-то – не сказать мне…

Они снова спустились на двор, и Мышецкий спросил:

– И много у вас, капитан, здесь таких… с осени?

– Хватает, – отозвался смотритель.

– Политических преступников нет?

– Сейчас нету, а скоро пригонят партию. С ними, ваше сиятельство, тоже хлопот полон рот. Больно уж господистые, слова им не скажи… Паразиты проклятые!

Шестаков подвел его к частоколу – показал на сгнившие бревна, шатко сидящие в подгалой земле:

– Вот, ваше сиятельство, хоть к самому господу богу пиши: никому и дела нет до ремонта! А ведь весна грянет, так опять «сыр давить» будут…

– Давить… сыр? – не понял Мышецкий. – Что сие значит?

– А вот соберутся всем скопом, на забор навалятся, сомнут его к черту набок и разбегутся куда глаза глядят. Долго ли и повалить гнилушку!

– А… часовые? – спросил Мышецкий.

– Эх, ваше сиятельство, что часовые! – сокрушенно вздохнул тюремщик. – Они же ведь тоже люди, жить хотят. У каждого в городе – детишки, огород, баба, гармошка, машинка швейная… Стреляют – верно! Да только поверх котелков…

– Не целясь?

– Какое там… Попробуй стрельни в туза, так из-за угла пришьют ножиком!

Сергей Яковлевич невольно улыбнулся.

– Если мне, – сказал он, – суждено когда-либо сесть в тюрьму, то я, капитан, хотел бы сидеть именно в вашей!

Шестаков не понял иронии:

– Боже вас сохрани и помилуй… Я-то уж насмотрелся!

Мышецкий принюхался к сковородному дыму:

– Блины пекут… А сколько числится у вас, капитан, арестантов на сегодня?

– Утром было сто шестьдесят пять.

– Постройте их…

С криками и матерщиной, размахивая «хурдой» и дожевывая куски, арестанты нехотя вытянулись колонной вдоль двора. Солдаты пересчитали их, шпыняя в бока прикладами.

– Ну, сколько? – спросил Мышецкий.

Шестаков стыдливо признался:

– Да неувязочка вышла… провались оно всё!

– Сбежали?

– Сто девяносто восемь… три десятка лишних!

Сергей Яковлевич в удивлении поднял плечи:

– Что-то я не понимаю вас, капитан. Насколько мне известно, из тюрем обычно убегают. А у вас наоборот – в тюрьму вбегают. Что-либо одно из двух: или очень хорошо в тюрьме, или очень плохо на свободе?

Шестаков не стерпел выговора. В отчаянии разбежался вдоль частокола и начал крушить базарные ряды, поддавал ногой кипящие самовары, разносил напрочь острожную галантерею.

– Передавлю всех! – орал он, беснуясь. – Тетка Матрена, ты опять к своему татарину пришла? Забирай блины свои… Акулька? А ты за каким хреном приволоклась? Залечи сначала свой триппер… Знаю я вас, таких паскудов!

Арестанты весело хохотали. Мышецкий тоже посмеивался.

Разгромив торговлю, Шестаков оправдывался:

– Ваше сиятельство, рази же с этим народом сладишь? Бывает, и жалко их, стервов, а бывает, и зло берет… Рази же это люди? Матрена, я кому сказал – выставляйся отседа!..

Сергей Яковлевич заметил девочку, вертевшуюся между ног арестантов. Поймал ее и вытянул из рядов – вертлявую, как угорь, и кусачую. Дал ей хорошего шлепка под зад, велел солдату выставить за ворота.

– А ты как сюда попала? Ну, марш отсюда…

– Пусти, черт! – вырывалась девочка. – Пусти меня, дрянь ты худая, вот я мамке скажу… Она тебе… Мамка-а!

Басом завопила из колонны и «мамка» – отвратная баба:

– Не трожь мое дитё… мое ридное!

Шестаков коршуном накинулся на бабу, звякнул ее по морде связкой ключей:

– Молчи, лярва. На тебе, на… на еще! Сама сгнила здесь и девку сгноишь… Его сиятельство добра тебе желает.

Мышецкий направился к выходу. Прощаясь с капитаном, он сказал ему:

– Завтра я пришлю прокурора. Здесь притон, рассадник заразы, а не исправительное заведение. Половину разогнать надобно…

Очутившись на улице, князь пошатнулся. Увиденное потрясло его. Особенно – девочка, с ребячьих губ которой срывались чудовищные матерные ругательства.

– Ах, – сказал он, морщась, – когда же будет на Руси порядок?..

Покатил далее, внимательно присматриваясь. Тщетно силился разгадать хаотичную планировку города. Кое-как начал ориентироваться по куполам церквей. Повсюду встречались несуразные вывески: «Венский шик мадам Отребуховой» или «Готовая платья из Парижу г-на Селедкина» (написанное дополнялось красочным изображением последних мод Парижа – тулупа и кучерской поддевки).

Пережидая, пока протащится мимо конка, Мышецкий обратил внимание на театральную тумбу с обрывками афиш.

– Кому принадлежит театр? – спросил он писаря.

– Господину Атрыганьеву.

– Это, кажется, предводитель дворянства?

– Губернский, – подчеркнул попутчик.

Старенький чиновник почтового ведомства читал возле тумбы афиши и ел из кулечка, между делом, сухие снетки. Прошли мимо два офицерика, один сказал другому весело:

– Моншер, разорвем шпацкого?

– Разорвем, юноша, – согласился второй…

Мышецкий и ахнуть не успел, как офицеры схватили старика за полы шинельки снизу, рванули ее от хлястика до затылка. Только пыль посыпалась! Беспомощно закружился старик вокруг тумбы, рассы́пал серебристые снетки, жалко плакал…

– Стойте! – кричал Мышецкий. – Стойте, негодяи… Именем чести – стойте!

Но офицерики уже скрылись в подворотне. Сергея Яковлевича трясло от негодования, но догонять этих мерзавцев он не решился. Тем более что воинство скрылось в доме, из окон которого выглядывали опухшие спросонья «рабыни веселья».

Взятый «напрокат» до вечера писарь давал по дороге необходимые пояснения. С его помощью Мышецкий узнал, что в Уренске множество мелких фабричных заведений. Варят мыло, льют свечи и стекло, на речных затонах выминают юфть босоногие кожемяки. Развита выделка овчин, седел и сбруи; сукновальни братьев Будищевых дают в сутки свыше пятисот аршин грубого сукна, сбитого из киргизской шерсти «джебага» (это сукно пользовалось тогда широким спросом в Сибири).

– А боен много? – спросил Мышецкий.

Боен было немало и в городе, и особенно – на окраинах. На выезде в степь стояли, просвистанные ветром, вонючие «салганы», где скотину били, зверея от крови, простейшим способом – кувалдой в лоб и ножом вдоль горла. По дороге на «Меновой двор» (это наследие древнейшей торговой культуры Востока) мостовая противно скрипела под колесами расквашенной серой солью.

– Зачем здесь соль? – присмотрелся через пенсне Мышецкий.

– А как же! – пояснил писарь. – Скотина пуходя соли нажрется, потом ее к реке спустят, ваше сиятельство. Кажинный бык полбочки в себя да примет – все тяжельше. Тут его и на весы ведут… Без убытку торгуют!

Сергей Яковлевич думал об Атрыганьеве. Губернский предводитель – лицо значительное, и хотелось бы знать о нем побольше. Оказывается, Атрыганьев содержит здание театра. «Но для этого, – решил Мышецкий, – тоже нужны деньги. Одни букетики, бенефисы да ужины с актрисами чего стоят… Тут пахнет доходами немалыми!»

И он спросил:

– Господин Атрыганьев живет с имений или дело имеет?

Выяснилось, что у предводителя была еще и стеклоделательная фабричка, дававшая в год восемьсот ящиков листового стекла и более шестидесяти тысяч бутылок под розлив пива. Но сейчас Атрыганьев запродал свое дело франко-бельгийской фирме по производству зеркал, разменяв прямые доходы на акции.

– Песок издалека возят? – полюбопытствовал Мышецкий.

– Песку хватает, ваше сиятельство. Французы-то электричеством пущать грозятся. Дело миллионное!

– Не думаю… А где же будут брать лес?

– Да в Запереченском уезде еще не все вырубили, – пояснил писарь. – Сплавят…

Мышецкому не совсем-то понравилось это сообщение о лесе, который «не весь вырубили», но тут кучер стал боязливо сдерживать лошадей и креститься. Полицейский служитель тоже присмирел, втянул голову в воротник мундира.

– Вот ёна… Обираловка, – возвестил кучер. – Ехать дале некуда. Прикажите заворачивать!

Прямо перед ними, тихо курясь дымами, лежала преступная слободка Обираловка – жуткое скопище лачуг и землянок, из щелей которых выползали по ночам подонки и забулдыги. Кастет и нож гуляли по улицам Уренска с темноты до рассвета. Обираловка дуванила добычу, а утром погружалась в непробудный хмельной сон, чтобы снова восстать с потемками.

– Поезжай прямо! – велел Сергей Яковлевич.

– Нет, – ответил кучер. – Хошь медаль на шею мне вешайте, а я не поеду…

Мышецкий заметил, что трущобы кончались вдалеке как-то сразу, будто обрываясь в реку, и чиновник подтвердил, что в конце Обираловки неприступно высится овражный унос – прямо в речные заводи.

– Порт-Артур, да и только! – сказал он, гыгыкнув. – Быдто в крепости, ничем не выкуришь… Хоть японца зови!

– А выкуривать пробовали? – спросил вице-губернатор.

Конечно же – нет, полиция Уренска боялась показаться на этой окраине, сама бежала от обираловцев как черт от ладана, и Мышецкий выскочил из коляски.

– Ваше сиятельство, – заголосил кучер, – куды же вы? Уедем… от греха подале!

Прыгая среди шпал, разбросанных по грязи, Сергей Яковлевич уже вступил на просторы сонной Обираловки. Было удивительно пустынно здесь, в нагромождении досок, фанеры и жести, под которыми затаилась до вечера лютая жизнь этого преступного царства.

И совсем неожиданно выступил откуда-то чернявый мужик в рубахе горошком навыпуск, улыбнулся князю Мышецкому.

– Ай потерял что, барин? – спросил заинтересованно. – Чиркнуть-то серника у тебя сыщется?

Мышецкий ловко сбил у него шапку. Ну конечно, этого и следовало ожидать: половина головы мужика еще не успела обрасти волосами. Однако беглый каторжник не смутился. Поднял с земли шапочку, с достоинством обколотил ее о колено:

– Кабы не смелость твоя… А ну – скокни взад! Шустряк нашелся! Не то причешу тебя на все шашнадцать с полтинкой – жена не узнает…

Бледный, закусив губу, Сергей Яковлевич вернулся в коляску, со злостью решил: «Чиколини – трус. Даю слово, что к осени здесь будет бульвар… посажу деревья!»

Кучер перебрал в руках вожжи:

– Куды теперича, ваше сиятельство?..

4

– Смотритель дома призрения, коллежский секретарь Сютаев, Хрисанф Ульянович! Честь имею…

Перед Мышецким стояла, переломленная в низком поклоне, фигура чиновника, и князь смотрел на его бурую шею, покрытую следами незаживавших чирьев. Сергей Яковлевич долго молчал, испытывая терпение Сютаева, но тот все кланялся и кланялся.

Наконец Мышецкому это надоело, и он прикрикнул:

– Ну, хватит! Где у вас тут нужник?

Сютаев оторопел от неожиданного вопроса.

– Нужник, нужник, – повторил князь.

Остерегаясь забегать впереди высокого гостя, с шипящей вежливостью ему показали нужник. Извинились за то, что еще не убрано. Стали звать какого-то Митрофана:

– Митрофа-ан! Где он, проклятый?.. Чего же он не убрал?

– Сютаев, – позвал Сергей Яковлевич спокойно.

– Туточки, ваше сиятельство.

– Ну, Сютаев, скажите честно: продолжать мне осмотр богадельни или ограничиться выводом на основании той мрази, которую я наблюдал в нужнике?

Снова стали звать легендарного Митрофана:

– Митрофан, Митрофа-анушко! Иди сюда, милок… Где же он? Без ножа режет…

Мышецкий остановил ретивость чиновника:

– Митрофан здесь ни при чем. Ладно, так и быть, проведите по комнатам…

Сютаев рассы́пался мелким бесом, запричитал речитативом:

– Извольте, князь, извольте. Ваше высокое посещение…

Мышецкий шел по лестнице, а его бережно придерживали за локотки.

– Сюда, сюда, ваше сиятельство! В этой комнатке старушки. Есть и дворянки. Благородные люди-с…

Вице-губернатор осмотрел убогий уют жалкого старушечьего мирка, в котором скорбно увядали напоминания о прошлом – высохшие цветы, семейные альбомчики. Быстро сновали спицы в руках старух, довязывая последнюю пряжу в жизни. Сергей Яковлевич старался смотреть поверх старушечьих голов, чтобы не встречаться с ними глазами, и заметил щели в стенах, залепленные жеваным хлебом.

– Клопы? – спросил он, не желая уйти отсюда молча.

– Что вы, – ворковал Сютаев, – у нас клопов не полагается… Потому как мы строгие. Увидим – и давим-с!..

В следующей палате ютились мужчины. Сютаев сразу разлетелся к одному старому солдату на костылях.

– Ваше сиятельство, извольте обратить внимание… Заслуженный ветеран! Еще при Паскевиче, так сказать, пострадал за отечество. Покажи, Степаныч, покажи сиятельству, сколько ты крестов от царя заслужил!

Старик поднялся с койки, уперся в костыли.

– Зачем, – сказал он горько, – зачем кресты мои барину? У него, видать, и своих хватает!

– А ты покажи, покажи, – канючил Сютаев. – Ну, достань свою шинельку из сундучка… Тебя его сиятельство, глядишь, и отблагодарит чем-нибудь!

Он кинулся к сундучку, чтобы извлечь оттуда шинель с крестами, но старый ветеран прижал костылем крышку:

– Вот заслужи свои кресты, тогда и показывай… Чего ты ко мне липнешь-то?

Мышецкий раскрыл портсигар и протянул его инвалиду:

– Берите, отец… Как вы живете здесь? Мягко ли спится? Вот я смотрю – костыли у вас уж больно старые. Проволочкой-то вы их сами перевязали?

– Будут костыльки новые, будут, – не унимался Сютаев.

Старик вдруг махнул на него:

– Отойди ты от меня… гнида! В кои веки человек зашел поговорить со мною. Двадцать три года сиротствую здесь и впервой слово людское услышал…

Закончив осмотр «призреваемых по ведомству императрицы Марии Федоровны», князь Мышецкий, почти уже от самого крыльца, вдруг резко повернул обратно – на кухню.

– Стоп! – схитрил он. – А ну-ка, пройдем…

Следом за ним вприпрыжку бежал Сютаев:

– Ваше сиятельство, ваше… позволю заметить…

Животом, не совсем вежливо, он пытался оттереть князя от дверей, откуда парило разварным духом пшенной каши.

– Кухонька, – убеждал он, – так себе. А вот здесь, ваше сиятельство, прошу покорнейше… Музей у нас! Ничто выдающееся не пропало… Ложки резные, иконки, крестики…

Но Мышецкий уже распахнул дверь и шагнул на кухню. Возле громадной печи, в которую были вмазаны котлы, возился повар с дерюжинкой на поясе. Сергей Яковлевич успел заметить, что повар растерян, но тут подскочил Сютаев:

– А ты – мешай, мешай кашу-то… Ведь густа небось и подгореть может!

– Ой, не провернуть… – крякнул повар.

«Что они, – подумал Мышецкий, – за дурака меня, что ли, принимают?..»

– А что у вас здесь варится?

Сергей Яковлевич подошел к другому котлу и с грохотом отворил дощатую крышку. В пустом котле, свернувшись клубком, сидел на поджаренных пятках какой-то благородный старец. Сидел он там, и – ни гугу!

– Это и есть ваш Митрофан? – сказал Мышецкий.

Сютаев открыл рот, даже язык выпал. Со лба повара скатилась в кашу капля пота.

Мышецкий снял пенсне и отчетливо произнес:

– Сезам, отворись!

Старик пробкой выскочил из котла и кинулся бежать, роняя из-под зипуна тяжелые свертки. Но его все-таки поймали и вернули обратно (вместе с куском сала фунтов на пять, головой сахара и чулочком с сечкой).

– Кто вы, сударь? – спросил Сергей Яковлевич помягче.

Старик взмолился:

– Отпустите с миром… На што я вам?

– Эй, – распорядился Мышецкий, – зовите сюда полицейского чиновника… Он сидит в моей коляске!

Старик бухнулся в ноги, сложил перед Сютаевым ладони:

– Сынок, скажи…

Мышецкий уставился на Сютаева:

– О чем он просит вас?

– Вот крест святой – не знаю…

– Кто вы? – спросил Сергей Яковлевич.

– Да я ж отец его… отец родной!

Сютаев замахал руками, подмигивая рыбьим глазом:

– Что вы, папаша, говорите такое? Какой же отец вы мне?

– Это правда? – спросил Мышецкий.

– Да у меня и отца нет, – возмутился Сютаев.

Старик, не вставая с колен, заплакал:

– Да я же вскормил тебя, вспоил. В люди вывел…

– Ваш отец? – строго спросил Мышецкий.

Сютаев пожал плечами.

– Впервые вижу, – сказал он.

– Признай! – вопил старик. – Не позорь меня… Господин хороший, – хватал он Мышецкого за полы одежды, – смилуйтесь! Ну, семья… ну, сахарок! Ну, сальца шматочек…

– Вывести его надоть, – засуетился Сютаев. – Где же Митрофан?.. Эй, зовите Митрофана!

– Да оставьте вы своего Мирофана в покое! – взбеленился Сергей Яковлевич.

Теперь он вцепился взглядом в повара:

– Ну, говори!

– Да уж что греха́ таить… Точно, ихний папашка!

Теперь и Сютаев бухнулся в ноги:

– Ваше сиятельство, не погубите. Христом-богом прошу. Два годочка осталось до пенсии… пять дочек на выданье. Кормилец вы наш! Сорок два года служу-у-у…

Старик (отец его) поднялся.

– А-а, шукин шын, – прошипел он злорадно. – Зажгло тебе! То-то! Господин хороший, плюйте в рожу ему… Доставьте мне удовольствие: плюйте, я один буду в ответе!

Мышецкий поднял ногу и с силой погрузил каблук в дряблое, как тесто, лицо Сютаева. Потом, испытывая почти блаженство, он стучал и стучал каблуком в эту отвратительную мякоть чужого лица, пока на нем совсем не потухли бесстыжие воровские глаза.

– Сорок два года, – сказал, задыхаясь. – Ну и хватит с тебя. Сегодня же – по «третьему пункту». Без прошения!

И – вышел, так что разлетелись полы крылатки. «Семья… пять дочерей на выданье», – машинально пожалел он, но того ветерана на костылях, обвешанного крестами, ему было жаль во сто крат больше…

Не оглядываясь, пригнув голову, он шагал к лошадям.

5

Губернская больница поразила его видом величественного здания – роскошный полупортик, колоннада с капителями, широкая мраморная лестница. На фронтоне, обсиженная голубями, была вылеплена латинская формула:

«БОГАМИ СМЕРТИ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

В гипсовых барельефах чеканно выступали почтенные профили – от курчавого Гиппократа до лысенького Пирогова. Не хватало только сказочных герольдов, которые выйдут сейчас из дверей и, вскинув горны, торжественно протрубят о полном исцелении уренских обывателей.

– Даже не верится, – признался Мышецкий.

Однако с парадного подъезда Сергея Яковлевича – увы – не пропустили. Оказывается, двери были заколочены и приперты для вящей внушительности еще ломом.

Какой-то служитель, неслышно разевая рот, долго объяснял князю дорогу. Но и во флигелях двери были забиты досками – крест-накрест. Пришлось обогнуть всю больницу. Среди помойных отбросов, телег с больными мужиками, поленниц дров князь едва отыскал лазейку.

– Что же вы закрыли парадный ход? – спросил недовольно.

– А на што? – рассудил сторож. – Оно же и больным здесь больше нравится. Потому как с параду они не привыкшие – и пужаются!..

Изнанка больницы не имела ничего общего с ее фасадом (так и С.-Петербург, во всю красу и мощь развернутый перед Европой, отличался от своего испода – Уренской губернии). Сергея Яковлевича ошеломили битком набитые палаты, в гулких коридорах болящие лежали на полу, в проходах, на примитивных топчанах. А одна старуха, свернувшись в калачик, лежала даже на круглом «пятачке» стола.

Вот к ней-то и направил свои стопы князь Мышецкий:

– Чем болеешь, старая?

– А лист у меня, родимый, лист завелся… Одного, кажись, вышибли, а второй, бают, сам должен выйтить! Вот и жду… С самого вербного воскресения листа жду, мил человек.

– Как же тебя кормят здесь?

– А как кормят?.. Перво в десятом часу чай, а потом обед в чашку штей да яблочное драчёно. Хлебца по косячку малому и прибавки нетути. А по закат солнышка – чай вдругорядь. И сахарку дадут. А шти-то больше с собачкой варят…

– Как это – с собачкой? – удивился Мышецкий.

– А так, родимый, – поставь миску штей перед собакой, она себя в ней разглядит и жрать не станет…

Сергей Яковлевич попросил сестру, сопровождавшую его по палатам, провести его к главному врачу. Сестра была особа странная; куколь с крестиком до самых бровей, глаза – иголками, а рот сцепила в тонкую нитку – вся замкнулась, словно похоронила себя навеки где-то внутри.

– Главного врача, – ответила резко, – вы найдете в Гостином дворе. Он больше занят лавками… Если угодно, князь, я проведу вас к хирургу Ениколопову: он как раз заканчивает операцию.

– Хорошо, – согласился Мышецкий, – ведите к хирургу!..

Ждать пришлось недолго: вошел крупный красивый мужчина и стянул скрипящую резину перчаток таким жестом, что Мышецкий сразу определил в нем барина. Не обращая вроде никакого внимания на вице-губернатора, Вадим Аркадьевич Ениколопов повелительно крикнул:

– Даша! Где мое зеленое мыло?

Засученные до локтей руки его были мускулисты, чем-то приятны (даже для мужского глаза); из-под халата выглядывал краешек ослепительного воротничка. Отбросив от себя полотенце, Ениколопов прошел за стол, уселся напротив князя.

Спросил независимо:

– Как вам понравилась наша губерния?

– Боюсь, – ответил Мышецкий, – что здесь мне придется быть не столько губернатором, сколько командиром арестантских рот!

Задрав халат, Ениколопов извлек из панталон изящный золотой портсигар, в крышку которого был вправлен изумруд в виде подковы. Протянул его через стол Мышецкому:

– Что вас больше всего поразило?

– Даже не люди… Но эта ужасная грязь, эти нечистоты! О чем думает санитарный инспектор?

Ениколопов покопался в столе, достал какую-то бумажку:

– Санитарный инспектор Борисяк… Он попал в инспекторы согласно вот этому диплому! Удостоверьтесь…

Мышецкий с удивлением прочел, усеянный значками вопроса, документ – шедевр безграмотности:

«…был адъюнкт-профессором материи, по увольнении же был переименован из студентов в лекари, откуда и поступил в штат полиции Бердичева, после чего получил степень доктора, но вскорости был отставлен за нетрезвость».

Вадим Аркадьевич с явным удовольствием проследил за впечатлением, произведенным на вице-губернатора этим «дипломом», и сразу же заговорил – с апломбом, напористо, авторитетно:

– Прежде ведь – как? Врач был для мужика вроде карателя: приедет к больному, высечет его, даст лекарство и потребует денег за лечение. Теперь же мы – просто рядовые убийцы великой армии Медицины, но уже облеченные доверием общественности…

– Я не совсем понимаю вас, – прервал его Мышецкий.

– Объясню! – четко выговорил Ениколопов. – Лечение человека – это когда врач использовал все достижения медицины, идущей ноздря в ноздрю с другими науками… Мало того! Ужас врачевания в том, что от больных нет отбою, а я трачу на каждого не более десяти минут. Я выписываю рецепт, заведомо зная, что нужного лекарства в аптеке все равно не имеется! Так скажите же мне – разве я не убийца?

– Каков же выход? – спросил Сергей Яковлевич.

– Выход? А кто вам сказал, что медицина область чисто научная?.. Нет, князь, эта область не столько научная, сколько социальная.

– Я с вами не согласен, – ответил Мышецкий.

– А я вас заставлю согласиться… Вы мне сейчас сказали, что вас поразил вид нечистот и грязи. У меня уже стены в больнице пропитаны миазмами. Это, наверное, и есть тот сказочный русский дух, которому так умиляются чистоплюи и про который в народе говорят: «Ну, братцы, хоть топор вешай!»

Мышецкий невольно рассмеялся:

– Остро, остро… Прошу вас, продолжайте!

– Я повторяю, – заключил Ениколопов, – что медицина наука социальная, ибо она пытается излечить не болезни, – нет! Она лечит лишь последствия нищеты, дурной пищи, издевательского отношения к людям и той кубатуры жилья, когда человек только единожды в жизни может растянуться свободно, да и то – в гробу!

Ениколопов с треском положил на стол браунинг.

– Вот, – добавил он внушительно, – без этой погремушки я не смею входить в холерный барак. Ибо на меня, на врачевателя, смотрят как на заведомого убийцу, которого хлебом не корми – только дай поковыряться в кишках. Будто бы мне это столь интересно! Вот плоды нашей культуры. Почему на просвещенном Западе…

– Ну, то Европа, – отмахнулся Мышецкий, улыбаясь.

– В Европе, – ответил Ениколопов, – и самое слово «Европа» рифмуется иначе. А у нас, князь, к нему найдена очень точная рифма, что хорошо заметил даже стыдливый Тургенев…

Они помолчали. Ениколопов остыл – убрал со стола оружие. Сунул его куда-то, но куда – Мышецкий так и не заметил.

– Вы зарегистрировали браунинг в полиции?

Ениколопов резко ответил:

– Я и сам хорошо известен русской полиции…

– А что главный врач? – уклонился в сторону Сергей Яковлевич. – Я слышал, он держит лавку?

– Его винить нельзя, – ответил Ениколопов. – Не дают лечить людей, так лучше аршинить ситцы!

Мышецкий поднялся:

– Хорошо. Вы были столь энергичны в критике губернской медицины, что, надеюсь, у вас хватит энергии и на то, чтобы навести порядок в своей больнице.

– Э, князь! Дело не в том, чтобы покрасить стены.

– Что же касается санитарного инспектора… Как его?

– Борисяк, – подсказал врач охотно. – Савва Кириллович!

– Да, вот именно! Борисяку более не служить вместе с нами. Найдем другого. В губернии должен быть отменный дух…

– Дух я вам обещаю. Вот наступит весна, подпалит солнце, прибудут «самоходы», как их называют, и дух будет крепкий!

– Ничего, Вадим Аркадьевич, мы еще молоды…

– И, выходит, у нас впереди много времени, чтобы успеть принюхаться?

Сергей Яковлевич тихонько постучал пальцем по темлячку своей шпаги.

– Не надо дерзить мне, – попросил он мягко. – Я, как и вы, Вадим Аркадьевич, принадлежу к числу людей, настроенных прогрессивно… Сейчас в Москве, если не ошибаюсь, готовится очередной съезд врачей по вопросам гигиены, – вы не желали бы на нем присутствовать?

– Я слышал об этом, князь, – почтительно ответил Ениколопов. – Но, к сожалению, въезд в столичные города мне воспрещен.

– Как?

– Видите ли (Ениколопов смотрел на Мышецкого не мигая), я член социал-революционной партии…

– За что же вы сосланы?

– А разве этого недостаточно?

– Но…

– Да, – подхватил Ениколопов, – были и причины! Я принимал участие в покушении на витебского губернатора.

Сергей Яковлевич закинул руки назад, покачался с носков на пятки, вздернул подбородок.

– Вот как?

Почему-то он даже не был удивлен; ему только не нравилась улыбка на лице Ениколопова – почти издевательская, с наглецою в глазах.

– Именно, князь, – продолжал эсер (иногда врачующий, а иногда убивающий). – У нас ведь как? Одни – типография, другие – экспроприации, а мне… губернаторы! Губернаторы, ваше сиятельство, – заключил он цинично, – это моя партийная специальность!

– Вы довольно… откровенны, – вспыхнул Мышецкий.

– Но вы же довольно… прогрессивны! – ответил врач.

Сергей Яковлевич дал понять, что он собирается уходить. Немного замялся, ожидая поклона. Но поклона не было, и он повернул на выход, также не поклонившись.

Возле дверей, однако, задержался.

– У меня просьба, – сказал он. – Велите открыть парадный подъезд. Терпеть не могу задворок.

И только тогда Ениколопов ему поклонился:

– Вот это я обещаю вам, князь…

6

Вечером он почти выпал из коляски – разбитый, усталый и отупевший от обилия впечатлений. Чиновники (в тугих мундирах, запаренные, голодные) из присутствия не уходили – ждали его с душевным содроганием.

Сергей Яковлевич поднялся к себе, впервые скинул крылатку. Размял пальцы, сведенные за день в тесных перчатках. Огурцов затеплил перед ним ароматную свечу, чтобы освежить в кабинете воздух.

– Спасибо, – не сразу заметил услугу Мышецкий. – Пусть же господа чиновники приготовятся… Сейчас я выйду!

Огурцов шагнул, и его тут же швырнуло через три половицы.

– Вы – что, пьяны? С утра вы ходили ровнее.

– Годы, ваше сиятельство… – ответил старый чиновник.

Сергей Яковлевич еще раз пробежал глазами «брульон», данный ему Мясоедовым; возле фамилий чиновников, заподозренных при ревизии, стояли отметки: «подл… берет… растлен… низок!»

– Ну, ладно. – Мышецкий поднялся. – Проведите меня…

Электрическая станция работала скверно, лампы мигали, и в полумраке парадного зала безлико застыли уренские заправилы. Коротко приветствовав своих будущих сослуживцев, князь прошел вдоль шеренги выпуклых животов, впалых грудей, опущенных плеч и согнутых спин.

Лиц он почти не различал в потемках громадного зала, да, впрочем, и не желал их видеть, – слишком свежи были впечатления дня: ночлежка, казарма для сирот, тюремный частокол, трущобы Обираловки, старуха на круглом столе и прочее…

– Господа, – обратился Мышецкий, – кто из вас губернский предводитель дворянства?

Ему объяснили, что господин Атрыганьев не присутствует здесь, ибо еще вчера соизволил выехать из города в имение.

– Вчера? – переспросил Сергей Яковлевич. – Однако ему до́лжно бы знать, что я приезжаю сегодня… Ну, хорошо!

Мимо него потянулся ряд советников правления, Сергей Яковлевич миновал его без вопросов и пожеланий. Задержался лишь возле губернского прокурора.

– Сударь, – сказал он ему, – сегодня я посетил вашу Бастилию… Там я видел несчастных, которые (если можно им верить) не знают, за что сидят.

– Да знают они, ваше сиятельство, всё знают, – добродушно пояснил прокурор, – Притворяются только…

– Вот как? Во всяком случае я советую вам наведываться в тюрьму почаще… Разберитесь!

Прокурор забубнил что-то о тяготах своего положения, но Сергей Яковлевич уже походил к губернскому статистику:

– Как вы организуете работу комитета?

– Очень просто, ваше сиятельство. У меня есть графы: баранов – в одну графу, коров – в другую. Для людей заведена у нас особая ведомость: баб – в левую, мужиков – в правую. А ежели, скажем, вот бревна или кирпич…

На груди статиста покоился значок «XXX лет беспорочной службы», и Мышецкий остановил его:

– Довольно!

Он вспомнил о Кобзеве – статистик нужен; но решил не спешить: Ивана Степановича он прибережет. Всегда найдется более нужное. Более важное.

И махнул рукой, открещиваясь:

– Бог с вами, можете продолжать… Баранов – в одну, баб – в другую. А-а, вот и вы, сударь!

Перед ним стоял, улыбаясь, как старому знакомцу, титулярный советник Осип Донатович Паскаль – тот самый, что первым засвидетельствовал сегодня свое почтение.

Мышецкий подвытянул из-за обшлага «брульон» сенатора: напротив фамилии Паскаля стояла жирная отметка – «главный вор, но не уловляется».

– Вы продовольственный инспектор?

– Именно так, ваше сиятельство.

Паскаль склонился перед ним, но Мышецкий выговорил:

– Спешу предварить ваше усердие. Со мною вы служить не будете.

– Позвольте, ваше… Верой и правдой…

– Не просите. Уже отставлены. По «третьему пункту»!

Осип Донатович Паскаль покинул шеренгу, бормоча вслух что-то о правосудии и о том, что он проживет и без службы. Да, он проживет и так, – ничуть не хуже…

Еще одна фигура – мужчина в соку, только слабоват на ноги, даже штаны трясутся от страха.

– Ваше место по службе, сударь?

– Губернский инженер и архитектор Ползищев… поклонник Ренессанса в титулярном чине!

– Весьма приятно, господин Ползищев.

Глядя на него, Мышецкий вдруг вспомнил стихи Козьмы Пруткова: «Раз архитектор с птичницей спознался!» – и не мог сдержать нечаянной улыбки. Так и отошел, ничего не сказав, чтобы не прыснуть.

– Тюремный инспектор Уренской губернии.

«Ага, голубчик, попался».

– Вон отсюда! – гаркнул Мышецкий. – Я не желаю видеть вас даже… Прокурор! Выставьте его самолично за двери. Вы также повинны в том безобразии, которое сообща развели в остроге. Под суд отдавать буду!

В рядах чиновников кто-то прочел молитву: «Спаси, господи, люди твоея…»

Следующая фигура – так себе, ничего особенного:

– Советник казенной палаты – Такжин, Гаврило Эрастович.

Заглянул в «брульон»: об этом господине ни дурного, ни хорошего. И тогда Мышецкий брякнул наугад:

– Какие изобретены вами конкретные формы для пропитания голодающих в случае недорода?

Полная растерянность – его даже не поняли:

– Питание, ваше сиятельство?

– Ну да. Питание…

Он повернулся к другому чиновнику.

– Потулов, – проскрипел тот. – Многосемейный…

– Тоже по казенной палате? – спросил Сергей Яковлевич.

– Смолоду терплю, ваше сиятельство.

– Очень хорошо. Вот вы мне и отвечайте!

– Питания… Ваше сиятельство, питания…

– Я слышал, – солгал князь тут же, – что вы отстроили для голодающих отличную столовую?

Даже в потемках было видно, что чиновнику стало худо: он посерел, как солдатское сукно.

– Питания? – спросил он, и в воздухе вдруг сильно запахло.

– Вы что? – заорал Мышецкий. – Сдержаться не можете? Извольте оставить присутствие.

Повернулся к следующему:

– Что вы машете руками? Кто вы такой, сударь?

И тот вдруг выпалил скороговоркой:

– Федор Арсакид, князь Аргутинский, князь Персии, Армении, Грузии, Всероссийской и Византийской империй, Храмский, Лорисский и Синаинский, князь Рюриковой крови!

Без передышки, даже не запнулся, окаянный. Сергей Яковлевич снова извлек «брульон». Про этого господина было сказано, что он уроженец Уренска, куда был сослан его родитель за участие в великосветском бандитизме (знаменитая шайка князей и графов «Бубновый валет», ограбление ювелиров). Сам же он с явными признаками мании величия.

– Выведите его! – распорядился Мышецкий. – Мне дураков не нужно. Дураков, да еще титулованных. Надо же так спятить.

Заключал собрание этого зверинца здоровенный детина. Еще молодой. Без мундира, в сюртучишке, в смазных сапожищах. Из-под вóрота его выглядывала косоворотка. В руке же он держал палку, обожженную на костре, и Мышецкий произнес язвительно:

– С каких это пор чиновники представляются начальству, имея вместо шпаги дубину?

Ответ был таков:

– Я живу на окраине, ваше сиятельство. И мне шпагою от собак не отмахаться. Дубина-то – сподручнее.

«Что он – издевается?» – обозлился Мышецкий.

– При будничной форме, – начал князь, – следует носить мундирный фрак или же двубортный сюртук, под цвет коего и брюки. А вы…

– У меня нет формы, – ответил чиновник.

– Надобно завести.

– Но я беден, ваше сиятельство. А с обоза золотарей не наживешь чинов и палат каменных.

Сергей Яковлевич догадался, что перед ним тот самый санитарный инспектор, о котором говорил Ениколопов в больнице.

– Так вы и есть Борисяк?

– Да, князь. Честный сын честных родителей.

Мышецкий подался в сторону, говоря:

– Придется мне огорчить ваших честных родителей: вы уволены мною от службы.

– На основании?

– Третьего пункта…

И вдруг – впервые – раздался голос протеста:

– Не имеете права! Почему вы так лихо распоряжаетесь людскими судьбами? Как вам не стыдно, князь, а еще образованный человек. Носите на груди значок кандидата правоведения!..

– Не спорьте со мною!

– Нет, – уперся Борисяк, – я буду спорить. И я никуда не уйду отсюда. Почему вы меня выкидываете со службы? Разве вы успели узнать меня?.. Я буду стоять здесь до тех пор, пока справедливость не восторжествует!

– Тогда и стойте. – Мышецкий повернулся к чиновникам: – Уважаемые господа, вы остаетесь служить со мною. Отставленные уволены мною на основании третьего параграфа статьи восемьсот тридцать восьмой гражданского устава…

Борисяк громко выкрикнул:

– Не старайтесь прикрыться законностью!

– Надеюсь, господа, – будто не слыша, продолжал Мышецкий, – что совместными усилиями мы приведем губернию в должный порядок…

Чиновники расходились. Борисяк оставался один в пустом зале. Его зычный голос еще долго слышался Мышецкому, пока он спускался по лестнице. Губернский архитектор, стоя на крыльце, поджидал вице-губернатора.

– У меня вопрос к вашему сиятельству, – сказал он. – Как вы относитесь к Ренессансу?

Мышецкий сел в коляску, закинул над собою кожаный верх.

– Это очень печально, – ответил он, – но с сегодняшнего дня мне нет никакого дела до Ренессанса!..

Дома, раздеваясь в передней, Мышецкий заметил большой ящик, туго набитый чаем. Внутри лежали цибики, обтянутые шкурой, шерстью внутрь (китайская упаковка). По диагонали ящика шла броская надпись: «Иконниковы – отец и сын».

– Кто принес?

Ему ответили, что вот, мол, старик Иконников оказался столь любезен, что сразу же поздравил его с приездом.

– Запаковать обратно! Кто смел принимать подарки? И отнести Иконникову нб дом – немедля, сейчас же!..

Прошел в отведенную для него комнату, с трудом разделся. Уже засыпал, когда в стенку осторожно постучали и он услышал голос Саны:

– Сергей Яковлевич, а мы с вами соседи!

Так закончился для него первый день, проведенный в Уренской губернии. Всю ночь ему снилась игра в рулетку.

Глава четвертая

1

До полудня в губернии ничего не произошло…

Согласно полицейской справке, убитых в Уренске за прошедшую ночь не было, ограблено только пятеро. Мясо на базаре продается в пятачок фунт, десяток яиц за гривенник. В числе лиц, приехавших с утренним поездом, не значится ни одного, кто был бы достоин внимания со стороны власть имущих.

Мышецкий с удовольствием вспомнил:

И уж отечества призванье
Гремит нам: «Шествуйте, сыны!..»

Огурцов боком, вдоль стенки, втерся в кабинет и доложил, что отставленный вчера от службы санитарный инспектор Савва Борисяк сдержал свое слово и не покинул присутствия.

– Что-с? – поразился Мышецкий. – Так и простоял всю ночь?

– Хохол-то упрямый, ваше сиятельство.

– Зовите городового, – велел Сергей Яковлевич. – Пусть он его выведет…

Стороною Мышецкий пытался выяснить для себя, каким образом в Уренске собрался этот чиновный зверинец. И – по выяснении – перестал удивляться. Россия вышвырнула их со службы как жуликов, но Сибирь не приняла их – как дураков (Сибирь ведь любит светлый, энергичный ум). Вот и получилось, что они застряли здесь, приворовались один к другому и желают только одного: чтобы их не тревожили! Мало того, эти чиновные помои просто выплескивались в Уренскую губернию, как в грязную лохань, в которую все сливать можно…

«Без працы не бенды кололацы», – утешился Мышецкий.

События начали развиваться в губернии с полудня, когда к присутствию со звоном подкатила роскошная коляска на резиновых шинах. Сергей Яковлевич видел в окне, как вышла из нее моложавая дама и, подобрав пышный турнюр платья, уверенно поднялась на крыльцо.

На вопрос Мышецкого, кто это, Огурцов ответил:

– О-о, разве же вы не знаете? Это же Конкордия Ивановна, та самая – Монахтина!

– И мой предшественник, покончивший…

– Да, да! – поспешил Огурцов. – Она самая!

Сергей Яковлевич повернулся к дверям, и двери вдруг сами распахнулись перед женщиной, открытые чьей-то услужливою рукой. Придерживая отвороты шубки, Монахтина прищурила красиво очерченные глаза; на персиковых щеках ее смешливо прыгали бархатистые мушки.

– Князь, – пропела она, еще издали протягивая ему свою пухлую руку. – Я всю ночь молилась за вас, князь. Я понимаю, вы так молоды, и вам так трудно… Преосвященный (о, я как раз от него) просил передать вам это!

Мышецкий прочел в записке, извлеченной из ридикюля:

«Приезжай, князь, наливки с кардамоном пробовать. А я ногами слаб стал. Совсем немощен. Почему ишо вчера не шел? Горд ты! Мне говорить надобно. Плохо все! Будь свят.

Мелхисидек».

Сергей Яковлевич поразился двум вещам: безграмотности и настоятельности того тона, в каком была составлена эта писулька от архиепископа.

– Благодарю вас, мадам. Чем могу служить?

Монахтина упала на стол лицом, и теперь князь видел ее молочный затылок с умилительной ложбинкой.

– Как я несчастна, князь… Спасите!

– Что с вами, мадам?

Она подняла лицо, мокрое от слез, глаза сделались еще прекраснее; громадные серьги качались в маленьких ушках Уренской львицы.

– Мне, – куснула она платочек, – грозит голодная смерть. Я знаю – вы так добры, князь, вы не откажете…

Мышецкий смотрел из-под пенсне – недоверчиво, холодно.

– Вы разве так бедны? – спросил он.

– Я разорена окончательно… Мой муж, этот гнуснейший мизерабль, завез меня в эту глушь и… бросил! Я одна, совсем одна… Доходов с именьишка никаких! Спасите!

«Чем черт не шутит», – Мышецкий никогда еще не видел столько слез: они текли и текли, заливая прекрасное лицо.

– Не надо плакать – сказал он, – не надо… Я еще не проверял отчетность своей кассы и потому могу предложить вам лишь… ну, это!

Он выложил перед ней сто рублей:

– Пока не могу помочь более…

Конкордия Ивановна отгородилась от сторублевки ладонью, как при виде противного червяка:

– Помилуйте, князь! Я приехала к вам на собственных лошадях, а вы даете мне эти жалкие… Нет, нет!

– Извините, мадам. – Сергей Яковлевич самым спокойным образом спрятал деньги обратно. – Я об этом не подумал… Но я могу купить у вас фаэтон, и вы будете иметь верных три тысячи. Смерть от голода вам не грозит!

Монахтина встала и направилась к дверям. Мышецкий долго беззвучно смеялся, закрывая глаза ладонью. Потом протиснулся в кабинет Огурцов и робко заметил:

– Простите, ваше сиятельство, но вы напрасно так…

– Как – так?

– Ведь госпожа Монахтина не денег пришла просить: ей хотелось, чтобы вы обратили на нее благосклонное внимание!

– Ну и что? – вспыхнул Мышецкий. – Я не желаю оказаться на положении моего предшественника, который… Сами знаете, чем это кончилось! Велите закладывать лошадей – я должен повидать его превосходительство.

Огурцов в смущении потоптался возле порога.

– Договаривайте, – разрешил ему Мышецкий.

Многоопытный чиновник (заслуживший крест в петлицу и геморрой в поясницу) ответил так:

– Не мое это дело, ваше сиятельство, но… Смотрите, как бы не обмишуриться!

– Обмишуриться… в чем?

– Да еще ни один губернатор не мог управлять Уренской губернией, не заручившись прежде «дружбой» с Конкордией Ивановной… Уж такие зубры из столиц наезживали, а только рога-то она им ломала! От этой женщины, как и от смерти, не скроешься…

За стеною послышался шум, и появился городовой, прижимая к шишке на лбу пятачок: Борисяк не сдавался.

– Я сам разберусь, – сказал Мышецкий.

Санитарный инспектор стоял посреди зала на том же самом месте, на каком Мышецкий вчера его и оставил. Только ввалились глаза да посерело лицо упрямца. Стоял он, опираясь на палку, и сразу выкрикнул в сторону вице-губернатора:

– Я сказал, что не уйду! Где же справедливость? Почему вы столь уверены в правильности своих решений? Я ведь, по правде говоря, даже ожидал вашего приезда. Вам не нравится грязь в Уренске – так я согласен, город загажен по самые крыши. Но только моя ли вина в этом?

– Вы обмолвились, что ждали меня, – напомнил Мышецкий.

– Да, – ответил Борисяк, – мне казалось, что приедет образованный человек, который поможет мне навести порядок в городе. И вот теперь, когда я полон желания разгребать этот навоз, вы вдруг вышвыриваете меня на улицу! А вы… Да как вам не стыдно, князь?

«Собственно, – подумал Мышецкий, – на основании чего я изгоняю этого человека? Исключительно на основании дурацкой бумажки, подсунутой мне вчера Ениколоповым!..»

И он спросил напрямик:

– Скажите, Савва Кириллович, каковы у вас отношения с хирургом Ениколоповым, служащим в губернской больнице?

– Безобразные, – ответил Борисяк. – Он презирает меня, считая недоучкой, в чем он, может, и прав!

– Честно говоря, – призадумался Мышецкий, – я склонен выискивать правду на стороне… оппозиции, поймите меня правильно.

И вдруг Борисяк взволнованно заговорил:

– Вы напрасно считаете Ениколопова таковым. Это скорее пройдоха. Ради денег он вырежет вам грыжу, ради денег же он и зарежет кого угодно…

Сергею Яковлевичу не хотелось погружаться в губернские сплетни, и он поспешно сунул инспектору свою руку:

– Не будем муссировать этот вопрос дальше. Я уважаю вашу настойчивость, и мы будем служить вместе…

Огурцов доложил, что лошади поданы, и предупредил:

– Ваше сиятельство, Борисяк-то мужчина опасный. Говорят, в депо ходит, речи произносит… У святого причастия, как появился в Уренске, ни разу еще не был!

Сергей Яковлевич хлопнул по столу:

– Пожалуйста, Огурцов, без новостей с черного хода. Для собрания подобных сведений существует жандармское управление, а меня касается исключительно служба!..

Он отправился к Влахопулову, заранее комбинируя свои выводы. Конкордия Ивановна сейчас его даже не тревожила, но писулька от Мелхисидека припекала из кармана словно горчичник. «Ехать на подворье или не ехать?» – мучился он по дороге.

По слухам Мышецкий уже знал, что губернатор добивался непонятной чести – быть старостой уренского кафедрального собора. Причем Влахопулов грозился, что сразу же начнет ремонт – от креста до подвалов. Но преосвященный с ремонтом не спешил, отчего и отношения с губернатором у него были натянутые.

«Ехать или не ехать?» – раздумывал Сергей Яковлевич и, ничего не решив, появился перед Влахопуловым, который встретил его сдержанным рычанием:

– Что вы там натворили, князь? Эдак вы мне всю губернию разгоните… Говорят, один остолоп даже прохудил штаны от страху? Ха-ха-ха!

Мышецкий ответил без улыбки:

– Ваше превосходительство сами изволили признать, что в губернии не всё благополучно. Я никому зла не желаю, руководствуясь единственно лишь выгодами по службе…

– Ну ладно, князь, ладно! До чего же вы, правоведы, поговорить любите… А что, – спросил он неожиданно, – Конкордия Ивановна была у вас?

– Была.

– Вот б…! – восхищенно выругался Влахопулов, колыхаясь выпуклым животом. – Ну и баба! Такую и озолотить не грех. Куда там до нее Матильде Экзарховне!

– Она, очевидно, близка к архиепископу Мелхисидеку? – спросил Мышецкий заинтересованно.

– Еще бы, Мелхисидек души в ней не чает! А мы с ним – вот так! – Симон Гераклович потер один кулак об другой. – Я бы этого блудодея во святости давно из Уренска выставил, да он собака-то не из моей псарни. Сам Победоносцев нашел его в какой-то дыре и до преосвященства поднял!

Мышецкий быстро прикинул в голове, какие выгоды можно извлечь из этой запутанной комбинации. Вывод был один: «Надо заехать к Мелхисидеку, поклон шеи мне не сломает!»

– Вот что, князь, – продолжал Влахопулов внушительно, – я велел вчера нашему итальяшке…

– Чиколини? – догадался Мышецкий.

– Да, полицмейстеру. Чтобы он, черноротый, не вздумал пропускать переселенцев через город. Увижу хоть одного «самохода» на улице – велю городовым телегу ломать!

– Отчего так строго? – спросил Сергей Яковлевич.

– Оттого, что в прошлом году был уже мор по губернии. Вы еще не знаете, князь, что такое холера! А потому я и велел: поймали «самохода» – не жалей. Хватай с барахлом и сопляками, тащи в острог! Река вскроется, на баржу всех запрем – и пусть плывут с богом: дальше уже не моя губерния…

Легок на помине, явился полицмейстер, держа узелок под локтем. Поклонился учтиво, развязал перед начальством тряпицу. Взору открылись черные ватрушки, прокаленные калачи, куски деревенского хлеба.

– С базара я, – сказал Бруно Иванович.

– Ты что – побираться ходил?

Чиколини снял фуражку, мелко закрестился поверх шинельки.

– Начинается, – возвестил он со вздохом. – Неужели и в этом годе в Мглинском да Запереченском уездах пухнуть мужики будут? А – сеять? – И он опять закрестился.

Мышецкий взял ватрушку, разломил ее пополам:

– С морковкой, кажется… Ну-ка!

Полицмейстер остановил его руку с поднесенной ко рту ватрушкой:

– Остерегитесь, князь. Этот хлебчик кусается.

Сергей Яковлевич придвинул ватрушку к самому пенсне: колючие перья отрубей щетиной торчали поверх излома.

– Спасибо, что предупредили. Я действительно не приучен к подобным… вафлям.

Влахопулов сгреб в кучу хлебные куски, кликнул лакея:

– Эй, выбрось! Да не скроши птице – подохнет!

Мышецкий протянул руку:

– Нет, Симон Гераклович, такими кусками не бросаются…

– Зачем вам это, князь? – сердито фыркнул Влахопулов.

– Мне нужен точный анализ того, что содержится в желудке мужика нашей губернии… Может, – предложил Сергей Яковлевич, – сразу откроем запасные магазины, чтобы выдать хлеб наиболее нуждающимся?

– Как бы не так! Хлеб-то они всегда сожрать рады, а что сеять под яровые?

– А скоро сеять, – вмешался Чиколини. – Тяжелый год…

– Все не передохнут, – веско рассудил губернатор. – Кто-нибудь да останется. А потом, глядишь, и новый урожай подоспеет… Выкрутятся, не первый год!

– На том и держимся, – скуповато подчеркнул Мышецкий.

Чиколини звякнул шпорами перед Влахопуловым:

– Позвольте высказать свое мнение?

– Валяй! Ум – хорошо, а полтора – еще лучше… Ха-ха!

– Как вы изволили распорядиться, я заставы перекрыл…

– Молодцом!

– Только вот… До лавок две семьи пропустил я. Издалека народец тянется, колесной мази купить негде… Да и детишки!

Губернатор, побагровев, треснул кулаком по столу:

– Ты что, в бараке еще не валялся? На Свищево поле тебе захотелось? На вот, возьми, подмажь колесной мазью…

Он протянул Чиколини кукиш.

– Ваше превосходительство, – приосанился полицмейстер, – не забывайтесь: я ведь тоже служил… по артиллерии!

– Ну, так на же тебе – на лафете!

И кукиш правой руки был водружен на «лафет» (ладонь левой руки) и поднесен к самому носу бедного Чиколини.

– Узнаешь свою пушку? – спросил помпадур грозно.

Мышецкий поднялся, завязал губернские хлеба́ в узелок и протянул его полицмейстеру.

– Отнесете в коляску, – велел он. – Позвольте откланяться, любезный Симон Гераклович?..

В коляске они долго молчали. Чиколини, зажав меж колен обшарпанную «селедку», печально вздыхал. Потом признался:

– Извините, князь. Мне так неудобно перед вами за эту грубую сцену. Был вот я до этого в Липецке…

– Ах, оставьте! – поморщился Мышецкий. – Скоро его заберут от нас. Повыше сядет.

– Да кому он нужен-то? – рискнул Чиколини откровенностью.

– Не говорите так, – возразил Сергей Яковлевич. – Россия бедна талантами… Лучше поговорим об Обираловке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.